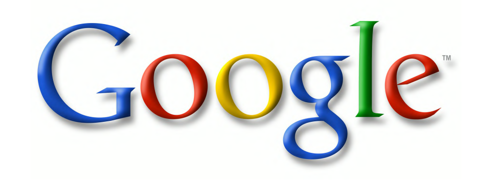
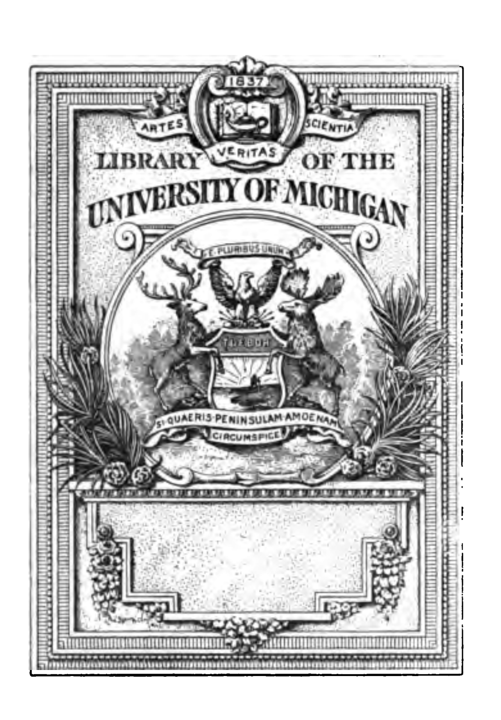

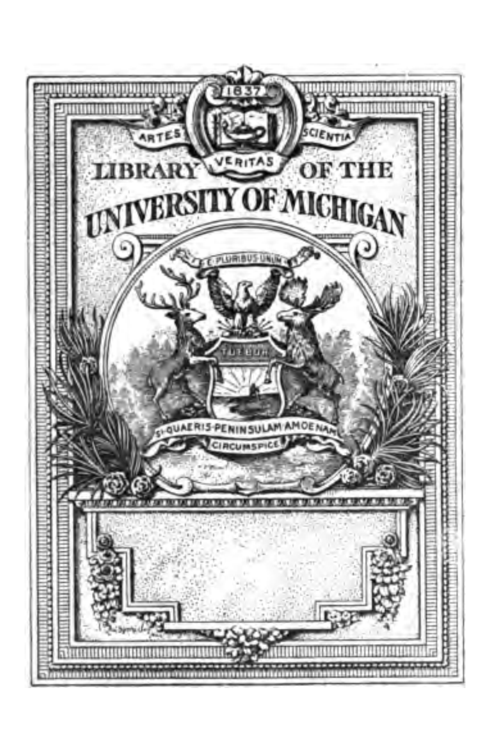
…ВЕННЫЙ ДЕНЬ УГОЛОВНОЙ ПАЛАТЫ

Судебныя сцены изъ записокъ чиновника очевидца

Изданіе Э. Л. Каспровича
въ Лейпцигѣ 1874 г.

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW VERLAG G. M. B. H.

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

ПРИСУТСТВЕННЫЙ ДЕНЬ

УГОЛОВНОЙ ПАЛАТЫ.

СУДЕБНЫЯ СЦЕНЫ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЧИНОВНИКА ОЧЕВИДЦА.

Ein Gerichtstag des Criminal-Gerichts.

ЛЕИПЦИГЪ:
Е. Л. КАСПРОВИЧЪ.

LEIPZIG:
E. L KASPROWICZ.

1874.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КНИГИ:

САМЫЯ ДОСТОВѢРНЫЯ ЗАПИСКИ

ЧИНОВНИКА-ОЧЕВИДЦА.

ПРИСУТСТВЕННЫЙ ДЕНЬ УГОЛОВНОЙ ПАЛАТЫ

СУДЕБНЫЯ СЦЕНЫ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ОТСТАВНЫМЪ НАДВОРНЫМЪ СОВѢТНИКОМЪ, БЫВШИМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА, БЫВШИМЪ ТОВАРИЩЕМЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ УГОЛОВНОЙ ПАЛАТЫ, БЫВШИМЪ ОБЕРЪ-СЕКРЕТАРЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА, БЫВШИМЪ ЧИНОВНИКОМЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Считаю нужнымъ объяснить читателямъ, съ какой точки зрѣнія смотрю я самъ на свое произведеніе. Не изъявляя притязаній на художественное достоинство, эти сцены, какъ вѣрная докладна язаписка, имѣютъ все грустное достоинство истины, все печальное значеніе дѣйствительнаго факта. Пусть это сознаніе, лишающее меня художественной заслуги вымысла, сообщитъ предлагаемымъ сценамъ строгую занимательность правды и смыслъ обличительнаго современнаго документа.

Многіе, по прочтеніи этого отрывка, скажутъ, что я взялъ только смѣшную и пошлую, еще не самую трягическую сторону судебнаго быта, что я вовсе не коснулся и не разоблачилъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій и страшныхъ злодѣйствъ, которыми богата память каждаго, "послужившаго на своемъ вѣку" человѣка. Но предлагаемый отрывокъ еще далеко не исчерпываетъ всей моей собственной задачи; вопіющія-же злоупотребленія и потрясающія душу злодѣйства носятъ на себѣ

характеръ исключительности, особенности, который яркостью своею рѣзко отдѣляется отъ общаго быта, къ тому-же они не всегда избѣгаютъ и наказанія по закону. Гораздо опаснѣе для общества тѣ грѣхи, которые чуствуются "грѣшками"; тѣ пороки которые извиняются легко, уживаются съ снисходительною совѣстью, живутъ рядомъ съ хорошими свойствами души, принимаютъ даже какую-то вполнѣ искреннюю, добродушную физіономію, обаюкиваютъ самое сознаніе какою-то особенною простосердечною логикою. Эта сѣть малыхъ грѣшковъ и пороковъ опутываетъ въ сильной степени наше общество и каждый изъ насъ болѣе или менѣе страдаетъ тѣмъ-же недугомъ. Но особенно опасною оказывается эта болѣзнь въ быту судебномъ, гдѣ она въ союзѣ съ властью, гдѣ каждое ея проявленіе передается непосредственно тяжкими, гибельными ударами дѣйствительной жизни...

Съ этою цѣлію выставлены мною даже не взяточники, а люди "честные" и даже добрые. Моя служебная дѣятельность доставляла мнѣ возможность узнавать такихъ чиновниковъ близко, и если не всему, то весьма и весьма многому изложенному въ судебныхъ сценахъ, былъ я самъ очевидцемъ.

Самое трагическое здѣсь, по моему мнѣнію, это неправда, совершаемая добродушно и большею частію безсознательно.

Многимъ покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучаютъ. Пусть знакомятся они съ изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляютъ законы, пусть знаютъ какимъ порядкомъ по большей части совершается современный судъ въ Россіи. Въ вѣрности моего изложенія — я убѣжденъ — поручится всякій,

кому извѣстенъ судебный бытъ не только столичный, но и провинціальный, не по однимъ книгамъ и законамъ, но на самомъ дѣлѣ и по опыту.

1853.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Предсѣдатель, Александръ Матвѣевичъ, лѣт
мущина довольно полный, средняго роста, во
бѣлокурые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, ба
барды того-же цвѣта, направленные къ губ
говоритъ протяжно и довольно мягкимъ бас
одѣтъ приличпо.

Засѣдатель отъ дворянства, Семенъ Ивано Посошковъ, лѣтъ 57, роста высокаго, худоща
ходитъ нѣсколько сгорбившись, вообще чело
стараго покроя.

Засѣдатель отъ дворянства, Алексѣй Алекс ровичъ Жабинъ, отставной капитанъ, воспиты
шійся въ кадетскомъ корпусѣ, лѣтъ 30, силь
брюнетъ, съ черными большими усами и ба
бардами; роста средняго, талья военная, од
по послѣдней модѣ.

Засѣдатель отъ купечества, Иванъ Ѳо Вахрамѣевъ, тоже средняго роста и толщины, л
55, борода окладистая съ просѣдью.

Секретарь, Петръ Ильичъ Соколовъ, изъ дѣ
вительныхъ студентовъ NN. университета, л
30, довольно благообразной наружности, блонд
одѣтъ прилично, но бѣдно.

Писецъ Галкинъ.
Писецъ Ивашкинъ.
Писецъ Швейкинъ.

Вахмистръ, главный сторожъ палаты, отставной унтеръ-офицеръ, не извѣстно почему называемый Вахмистромъ, лѣтъ 60; когда ходитъ, сильно стучитъ сапогами.

Канцелярія, т. е. *канцеляристы.*
Конвойные солдаты.
Три арестанта.

Помѣщикъ, Илья Андреевичъ Жомовъ, отставной полковникъ, лѣтъ 45, высокій, полный, здоровый мущина, что называется bel homme; одѣтый очень хорошо, даже богато, говоритъ сильнымъ басомъ, смѣется громко, на всю комнату.

Дѣйствіе происходитъ въ присутственной комнатѣ палаты уголовнаго суда. Съ одной стороны стекляныя двери въ канцелярію. Канцеляристы то-и-дѣло заглядываютъ въ присутствіе, слегка приподнимая небольшія занавѣски прикрывающія нижнія стекля. На противуположной сторонѣ также дверь съ написью: *Архивъ.* Она ведетъ въ архивную комнату, гдѣ висятъ виц-мундиры членовъ, надѣваемые ими для присутствія въ палатѣ. По стѣнамъ стоятъ шкафы, висятъ: зеркала, портретъ государя, часы. Противъ дверей канцеляріи, ближе къ архивной комнатѣ стоитъ большой присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, съ зерцаломъ, на столѣ чернилицы, звонки, бумаги, дѣла, *Московскія Вѣдомости*, словомъ, все какъ слѣдуетъ. На одномъ концѣ столя предсѣдательское кресло съ золочеными ручками, по сторонамъ кресла краснаго дерева. Подлѣ дверей канцеляріи не боль-

шой столикъ, покрытый краснымъ сукномъ; это столикъ секретаря.

Примѣчаніе: Разговоры не мѣшаютъ занятіямъ членовъ, т. е. они разговаривая — подписываютъ бумаги, или переписывая, какъ Семенъ Ивановичъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда разговоръ особенно оживляется, это занятіе прекращается. Секретарь-же во все время присутствія очень занятъ, часто уходитъ въ канцелярію съ бумагами и возвращается оттуда съ новыми, роется въ Св. Законовъ, перелистываетъ дѣла и проч.

Товарищъ предсѣдателя и другой купеческій засѣдатель въ отпуску.

ЯВЛЕНІЕ I.

Секретарь (одинъ, сидитъ за своимъ столомъ и пишетъ). Входитъ Вахмистръ.

Вахмистръ.

Ваше благородіе, арестантовъ привели.

Секретарь.

Сколько ихъ?

Вахмистръ.

Три человѣка, да двѣ женщины, одна съ ребенкомъ.

Секретарь.

Ну, пусть ждутъ, дѣлать нечего, еще никого нѣтъ. (Вахмистръ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Семенъ Ивановичъ (входитъ медленными, большими шагами. Секретарь встаетъ и кланяется).

Семенъ Ивановичъ (проходя въ архивную комнату). —

Здравствуйте, батюшка Петръ Ильичъ, здрав-

ствуйте, какъ поживаете? (уходитъ въ архивную комнату, откуда тотчасъ-же возвращается въ старомъ, поношенномъ мундирѣ, и смотритъ на стѣнные часы). Эге! да ужъ 11 часовъ! Да что̀ станешь дѣлать (садясь на свое мѣсто и перебирая бумаги) нынче вѣдь Варвары! и у меня большая дочь, невѣста-то, имянинница... то, да се, къ обѣднѣ сходили, такъ время промежъ пальцевъ-то и ушло...

Секретарь (привставъ).

Честь имѣю поздравить!

Семенъ Ивановичъ.

Да что̀ честь имѣю! Вы-бы, Петръ Ильичъ, зашли нынче ко-мнѣ поотобѣдать; дѣло-то бы и ладно было.

Секретарь.

Покорно благодарю, Семенъ Ивановичъ, не могу, право, не могу-съ... дѣла-то столько! Еще вотъ не знаю, какъ и управлюсь... право...

Семенъ Ивановичъ.

Ну ужъ, пошелъ! Хе, хе, хе! Полно вамъ, полно Петръ Ильичъ! Не все-же дѣломъ-то заниматься, надо человѣку и поразсѣяться немножко, а то сидитъ себѣ сиднемъ!...

Секретарь.

Да право, нельзя, Семенъ Ивановичъ, ужъ вы меня, сдѣлайте милость, увольте... у васъ, чай...

Семенъ Ивановичъ.

Что у меня, чай? Много будетъ? пустяки!... Никого не будетъ, своя семья, развѣ только Григорій Тихонычъ зайдетъ, да и то наврядъ-ли... Экой смиренникъ, право, ни чѣмъ изъ дому-то не вытащишь, а еще молодой человѣкъ! ну полно-же, Петръ Ильичъ, приходи! будешь?

Секретарь.

Постараюсь...

Семенъ Ивановичъ.

То то, постараюсь! Приходи, да что Петръ Ильичъ, все это къ подписанію?

Секретарь.

Къ подписанію... тутъ, кромѣ приговоровъ и журналовъ, есть еще указы; ихъ надо-бы нынче-же отослать на почту.

Семенъ Ивановичъ.

Указы? подпишемъ, подпишемъ! За нами дѣло не станетъ! (Подписываетъ одинъ указъ.) Экое помело, Господи! (Звонитъ, входитъ Вахмистръ.)

Семенъ Ивановичъ (обращаясь къ Вахмистру):

Отдай перо Ивашкину. Что онъ, дуракъ, не знаетъ чтò ли, что надо перья присутствующимъ чинить? Не первый день служитъ. (Вахмистръ беретъ перо и уходитъ.)

Секретарь.

Вотъ это перо хорошо, не угодно-ли (подаетъ).

Семенъ Ивановичъ (беретъ перо и подписываетъ).

Дайте-ка... Хорошо!... хорошо! Всѣ-ли тутъ, Петръ Ильичъ? (считаетъ): разъ, два, три, четыре, пять...

Секретарь.

Всѣ. (Беретъ указы со стола, относитъ къ себѣ и садится).

Семенъ Ивановичъ.

Ну, журналы-то я вамъ еще вчера подписалъ. Теперь приговоры... (Во все время слѣдующаго разговора подписываетъ одну бумагу за другой). А что, ..

Александръ Матвѣевичъ будетъ что-ли нынче или нѣтъ?

Секретарь (также продолжая писать).

Будетъ-съ, я по крайней мѣрѣ вчера имъ докладывалъ, что нынче и приговоры арестантамъ надо объявлять, и другія кой-какія дѣла есть... чай, у него нынче имянинницъ по городу много...

Семенъ Ивановичъ.

Да важныхъ-то только одна, Варвара Петровна! Я думаю, онъ къ ней прямо изъ присутствія и проѣдетъ, тамъ, чай, нынче губернаторъ будетъ и виц-губернаторъ; всѣ они! Да чай, и нашъ Алексѣй Александровичъ туда-же продеретъ, хе, хе, хе; а я ужъ, такъ слуга покорный, отъ всѣхъ этихъ парадовъ отсталъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

(Входитъ писецъ Ивашкинъ и подаетъ перо.)

Семенъ Ивановичъ (Ивашкину).

То, то, братецъ, должности вы своей не знаете! Васъ учишь, учишь, а все проку нѣтъ! Экой народъ, Господи! Да, совсѣмъ забылъ! Гдѣ ты это третьяго дня пропадалъ?

Ивашкинъ.

Виноватъ, Семенъ Ивановичъ.

Семенъ Ивановичъ.

Что, голубчикъ, виноватъ теперь, а? Что, в денежки пропилъ? Или еще осталось, а? Вот плати вамъ жалованье! Вотъ, какъ я тебѣ жалованья поубавлю, такъ денежки-то и будутъ п

Ивашкинъ.

Виноватъ, Семенъ Ивановичъ.

Семенъ Ивановичъ.

То то, виноватъ! Ты смотри! Ну, да ужъ для нынѣшняго праздника, такъ и быть, сердить себя не хочу... Только смотри!... да, Галкина ко мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же безъ Ивашкина.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, вотъ кажется и послѣдній приговоръ подписалъ, (беретъ его въ руки) экой толстой! Ну ужъ губернаторъ читать его не станетъ, хе, хе, хе! (Отодвигаетъ отъ себя подписанныя бумаги)... Приняться развѣ теперь за свое дѣло (потягиваясь и зѣвая) шутка-ли! докладного-то реэстра пятидесятую тетрадь переписываю! Слышите, Петръ Ильичъ! пятидесятую, а Вахрамѣевъ-то никакъ только десятую.

Секретарь.

Да ужъ нечего сказать, Семенъ Ивановичъ, за вами дѣло не стоитъ. Ахъ, боже мой, виноватъ, вѣдь совсѣмъ забылъ доложить. Предложеніе прислалъ прокуроръ. Требовалъ онъ къ себѣ наши настольныя книги, росписи и докладные регистры.

Семенъ Ивановичъ (принимаясь за переписку съ докладнаго регистра въ журналъ).

Ну, такъ чтожъ?

Секретарь.

Да пишетъ онъ въ предложеніи, что докладной регистръ значитъ регистръ дѣлъ, назначаемыхъ

къ докладу, и что, потомъ ужъ, говоритъ, і каждаго доклада и должна быть сдѣлана р члена краткая отмѣтка изъ резолюціи, по дѣ. состоявшаяся. У васъ-же, говоритъ, на обо докладной регистръ составляется послѣ рѣı дѣла, пишутъ не отмѣтку, а цѣлую копію со : журнальнаго рѣшенія, начиная съ "приказ: позвольте, я отыщу предложеніе, не знаю тс куда я его засунулъ...

Семенъ Ивановичъ (продолжая писать)

Э, да богъ съ нимъ совсѣмъ! Слышалı это не разъ! Не онъ первый, не онъ послѣ Мало-ли ихъ при мнѣ перебывало, прокуро] то! Вотъ такъ всякій и лезетъ съ предложен то не по формѣ, другое не по формѣ!... Д другихъ-то палатахъ, про докладные регист помину нѣтъ, а у насъ къ концу года, все· законъ соблюденъ.

Секретарь.

Соблюденъ-то, соблюденъ...

Семенъ Ивановичъ.

Да и чтожъ не по формѣ-то? Только полнѣй. Пробовалъ я, батюшка, пробова: вотъ еще при губернаторѣ... какъ его?... І Петровичѣ Жвакинѣ... давай, думаю себѣ, ‹ и я отмѣчать эти, по вашему-то краткія ре: цій... Ну, и не спорилось дѣло! Тутъ соображай, придумывай, того гляди, что-нибу опустишь, да и время-то потеряешь. А как шелъ писать цѣликомъ съ журнала, либо съ говора, такъ оно и идетъ, какъ по маслу: думая перепишешь! Да ужъ оно и все ужъ извѣстное дѣло, по канцелярской-то вицѣ: изъ большаго не вывалится (засыпая с

пескомъ, звонитъ; Вахмистръ входитъ). Твое братецъ, дѣло за этимъ смотрѣть. Ну что за порядокъ! у присутствующихъ и песку нѣтъ. Э, эхъ братецъ! (Вахмистръ беретъ песочницу и въ продолженіи слѣдующаго разговора приноситъ песокъ и уходитъ)... О чемъ, бишь, я говорилъ? да, такъ чтожъ вы съ предложеніемъ-то сдѣлали?

Секретарь.

Ничего, записалъ къ свѣденію и руководству.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, да, конечно; такъ и слѣдуетъ. Вѣдь онъ, прокуроръ-то, больше такъ, для очистки! "я, дескать, свое дѣло сдѣлалъ... оно и въ порядкѣ."

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣжъ и писецъ Галкинъ, (растрепанный и не застегнутый).

Семенъ Ивановичъ.

А! ну-ка, господинъ Галкинъ, поди-ка сюда! Экая братецъ рожа-то у тебя! Вишь, какой растрепанный!... Да хоть брюки-то зашей. Ну, что такъ лезешь въ присутствіе! Застегнись. (Галкинъ застегивается)... Приходила, братъ, ко мнѣ жена твоя; плачется и жалуется, что ты деньги мотаешь, пьешь, гуляешь. Это-бы все еще ничего... да ты и драться вздумалъ, избилъ ее совсѣмъ, да еще какъ дерешься-то, зря, во что ни попало.

Галкинъ.

Ваше высокоблагородіе!

Семенъ Ивановичъ.

Да чего тутъ, ваше высокобла... я, братъ,

самъ видѣлъ, она мнѣ всѣ синяки показала... (раздвигая руки) ужъ я, братъ, не знаю, что съ тобою дѣлать!...

Галкинъ.

Ваше высокоблагородіе! Не вѣрьте ей; она сама-то какъ дерется! просто совсѣмъ изъ дома выжила. Вѣдь такая распутная, что и не приведи Богъ! Я точно, не хочу лгать передъ вашимъ высокоблагородіемъ, побилъ ее немножко...

Семенъ Ивановичъ.

Коли-бы немножко, такъ ничего, отчего не побить. А вѣдь ты...

Галкинъ.

Да, ваше высокоблагородіе, вѣдь какъ гуляетъ-то, вѣдь добро-бы съ однимъ... Ну, вотъ, хотя сначала съ Андроновымъ, изволите знать, въ гражданской палатѣ служитъ!... Ну ужъ, куда ни шло! А то вѣдь она теперь со всей прокурорской камерой загуляла...

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Хороши вы оба!...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Входитъ Алексѣй Александровичъ, раскланивается съ секр тaремъ и подходитъ къ Семену Ивановичу.

Семенъ Ивановичъ.

А, Алексѣй Александровичъ, здравствуйте, г это вы запропастились? (жметъ ему руку).

Алексѣй Александровичъ.

Заѣзжалъ къ вамъ. Хотѣлъ поздравит

и Варвару Семеновну, думалъ что вы для праздника дома.

Семенъ Ивановичъ.

И хотѣлъ было, да ужъ такъ, по привычкѣ, знаете. (Алексѣй Александровичъ проходитъ въ архивную комнату.)

Семенъ Ивановичъ (Галкину).

Ты, братъ, у меня знай! Я въ ваши дрязги входить не буду, это дѣло не наше, а мы съ тобою распорядимся по своему.

Алексѣй Александровичъ
(возвращается въ мундирѣ и садится на свое мѣсто).

Что это у васъ, расправа, судъ?

Семенъ Ивановичъ.

Да вотъ, какъ видите... жена на мужа, мужъ на жену, поди разбирай ихъ!

Галкинъ.

Да, ваше высокоблагородіе, хоть кого извольте спросить, хоть всю канцелярію извольте спросить...

Семенъ Ивановичъ.

Хорошо, братецъ, хорошо! Только слушай: коли она еще съ жалобою придетъ, такъ мы и ее и тебя при бумагѣ и препроводимъ къ полицеймейстеру! Пусть онъ миритъ васъ по своему... хе, хе! Понимаешь? Ступай. (Галкинъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же безъ Галкина

Алексѣй Александровичъ.

Каковъ Семенъ Ивановичъ! Ха, ха, ха! какъ разсудилъ! Ѳемида просто, ей богу.

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Да что прикажешь дѣлать. Е нельзя не припугнуть! Вѣдь народецъ-то ка хоть на отборъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да, надо признаться, грязненько таки у н въ канцеляріи. Что за воздухъ?... Фа!

Семенъ Ивановичъ.

Да, что съ ними дѣлать! Все вѣдь голь нищ Жалованья иному и двухъ цѣлковыхъ въ мѣс не выйдетъ; взять-то но откуда... вотъ гражданской палатѣ почище. Тамъ и писцы шубахъ ходятъ.

Алексѣй Александровичъ.

За то у насъ на честь все дѣлается! ха, ха! "Изъ чести лишь одной я въ домѣ с служу!"...

Семенъ Ивановичъ.

Э, батюшка, са неволю будешь честенъ, к взять-то не съ кого!... Подпишите-ка, батюш вотъ вамъ тутъ журналы и приговоры.

Алексѣй Александровичъ
(принимаясь за подписаніе).

Нѣтъ, будь я предсѣдатель, у меня-бы д шло иначе. Я-бы ихъ всѣхъ, знаете, эдакъ военному.

Семенъ Ивановичъ (махнувъ рукою).

Ничего-бы не сдѣлали, Алексѣй Алексан вичъ. Ужъ вы повѣрьте мнѣ, старику. вотъ всего годъ въ штатской-то службѣ, засѣдателемъ 17 годъ служу! Мало-ли здѣсь др то горячились, да что взяли! Вотъ коли

ванья бы втрое да вчетверо прибавили, ну, можетъ быть, оно и точно...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, ужъ что ни говорите, а презусъ-то нашъ плохъ, вотъ въ чемъ дѣло! (подписываетъ)... Семенъ Ивановичъ, а Семенъ Ивановичъ! Вы никакого уваженія къ орѳограѳіи не имѣете, позвольте замѣтить.

Семенъ Ивановичъ.

А что такое?

Алексѣй Александровичъ.

Да чтожъ вы все пишете "Засѣдателъ" 'есть,' надо 'ять'!

Семенъ Ивановичъ.

Ну такъ чтожъ, что 'ять'? Знаю, что 'ять', да такъ, не хочу! Ловчѣе какъ-то... вѣдь убытка отъ того никакого!...

Алексѣй Александровичъ.

Ха, ха, ха, ха! Философъ, ей богу, философъ! Что-бы Гречъ-то сказалъ! (Нѣсколько времени всѣ молчатъ, слышенъ только скрипъ перьевъ).

Семенъ Ивановичъ.

Да что это Александръ Матвѣевичъ не идетъ право... ужъ будетъ ли?

Алексѣй Александровичъ.

Александръ Матвѣевичъ, Александръ Матвѣевичъ! Онъ теперь такого форсу взялъ, Александръ-то Матвѣевичъ! Вы знаете, онъ теперь въ ладахъ большихъ съ губернаторомъ. Тотъ, изволите видѣть, препоручилъ ему устройство разныхъ общественныхъ увеселеній, да чуть-ли и не смотрѣніе за театромъ.

Семенъ Ивановичъ.

Ой-ли? Ну ужъ напрасно Александъ Матвѣевичъ взялся за это! Ужъ этоиъ губернаторъ такой затѣйникъ, право, чего не выдумаетъ!

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, это-бы ничего... но гордиться-то не изъ чего, вотъ что. Носа-то ему не изъ чего подымать... И что онъ смыслитъ въ драматическомъ искуствѣ? Ничего не смыслитъ!... Ну, онъ хорошъ съ губернаторомъ! прекрасно! Такъ онъ и членовъ всѣхъ поставь въ хорошія отношеиія къ губернатору... Признаться вамъ, Семенъ Ивановичъ, еслибы я зналъ, что у васъ въ губерніи засѣдатели такъ мало уважаются, такъ я-бы и въ службу не пошелъ!...

Семенъ Ивановичъ.

Охъ, какіе вы, Алексѣй Александровичъ! да чѣмъ-же мало уважаются? Вѣдь это, батюшка, все по чину, да по мѣсту.

Алексѣй Александровичъ.

Какъ чѣмъ? Да что мы съ вами хуже что-ли Семенова и Птицына? Ну, вотъ ихъ послѣ завтра на оффиціальный обѣдъ къ губернатору пригласили, а насъ съ вами нѣтъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да что завтра такое?

Алексѣй Александровичъ.

Какъ что? Царскій день.

Семенъ Ивановичъ.

Да, да, да... я и забылъ... ну, да эта (
другая, они, вѣдь знаете, и виц-губернат(
приходятся съ родни и ребята-то ловкіе.

сказать: вѣдь нельзя-же губернатору и пригласить всѣхъ.

Алексѣй Александровичъ.

Всѣхъ, не всѣхъ, а разбирать и цѣнить людей надо... На то онъ и губернаторъ. Да вообще говоря, наша военная служба, ей богу, и поблагороднѣй и по-почетнѣй. Тамъ по крайней мѣрѣ хотя мундиръ есть, а здѣсь мундиръ-то никакимъ уваженіемъ не пользуется!... Да и что за служба! Очень весело, право! подадутъ къ подписи бумаги, вотъ и начнешь смотрѣть. Ну, просто, гадко дѣлается! Тамъ мужикъ обокралъ другого, тамъ мужичка какая-то ребенка подкинула, тамъ пьяныя бабы подрались! Того плетьми, того розгами, того въ Сибирь.

Семенъ Ивановичъ.

Да вы не читайте, такъ подписывайте; просто дѣлайте, какъ я, батюшка, Алексѣй Александровичъ, оно и для совѣсти-то спокойнѣе, ей богу! Вѣдь, по правдѣ сказать, что толку, что вы прочтете приговоръ, или нѣтъ? дѣла-же вы все-таки читать не станете?

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, почемужъ иногда и не прочесть!... конечно, я согласенъ, почерки скверные, зрѣніе-же у меня плохое... ну, да и безграмотность, просто ужасъ!...

Семенъ Ивановичъ.

Э, батюшка! Вотъ по всему видно, что вы еще новичекъ! А я ужъ давно на все это и рукою махнулъ... и ничего! Все, слава тебѣ, Господи, до сихъ поръ сходило съ рукъ преблаго-получно.

Алексѣй Александровичъ.

Вы говорите — рукой махнулъ! Да вѣдь отъ

этого можетъ пострадать правосудіе, Семенъ Ивано вичъ, а вы думаете это шутка? Нѣтъ, я при знаюсь, я о правосудіи другого мнѣнія. Я вамъ скажу, я даже такъ полагаю, что безъ правосудія обществу и существовать нельзя; не можетъ никакъ не можетъ!...

Семенъ Ивановичъ.

Да, то само по себѣ, а уголовная палата сама по себѣ. Вѣдь колибы я судилъ вотъ такъ, по просту, вотъ какъ я у себя въ деревнѣ сужу.. Ну, это статья другая, тамъ уже нельза дѣла-то и не разобрать.

Алексѣй Александровичъ.

По просту! Это для деревни хорошо, а для государства не годится. Это ужъ слишкомъ перво бытно, патріархально!... Эдакъ въ образованномъ обществѣ не дѣлается... Это вы хоть кого спро сите, это вамъ любой писатель скажетъ. Да позвольте васъ спросить, Семенъ Иванычъ, в деревнѣ вы судите кого? Мужиковъ только. Нѣт какъ хотите, а въ палатѣ надо распоряжатн иначе... Тутъ ужъ нечего по просту.

Семенъ Ивановичъ.

Э, батюшка, Алексѣй Александровичъ, я самъ знаю, что палата эта совсѣмъ не то, вотъ къ деревнѣ разсудишь мужиковъ, выпор обоихъ, да и баста, да не о томъ рѣчь...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Семенъ Иванычъ, я того у денія, что на палату нашу надо все-таки гл съ высшей точки... Знаете, вотъ я недавно п къ одному своему пріятелю, бывшему сослу тотъ подтруниваетъ надо-мной: „ты, го

теперь что? Просто штафирха!" Ну хоть мнѣ, знаете, и жаль военнаго мундира, очень жаль, однакожъ я ему таки-написалъ: ты, говору, братъ, этого не понимаешь, ты думаешь, палата все равно, что полковая канцелярія... какъ-бы не такъ! Нѣтъ, братецъ, я ему пишу — палата не полковая канцелярія, не просто какое-нибудь мѣсто, а цѣлое, говорю, звено въ цѣпи государственныхъ и губернскихъ учрежденій... Поймите это: звено!..

Семенъ Ивановичъ.

Такъ чтожъ, что звено, я все-таки безъ секретаря не обойдетесь!... Да вы совсѣмъ отъ матеріи-то отбились...

Алексѣй Александровичъ.

Чѣмъ-же отбились? Мы обсуждали вопросъ, читать или не читать подлинныя дѣла и бумаги... ну-съ?

Семенъ Ивановичъ.

Да вотъ что. Я вамъ всю мудрость открою. (Кладетъ перо и перестаетъ писать)... Первое дѣло — это чтобъ секретарь былъ хорошіи, и добрый, ну и не очень корыстный. Коли секретарь человѣкъ знающій, дѣло-то и ладно, ужъ онъ присутствующихъ ни подъ выговоръ, ни подъ штрафъ и не подведетъ... Я вѣдь вотъ какъ разсуждаю: вѣдь коли-бы мы и дѣла стали читать, и законы пріискивать, и резолюціи всѣ сочинять, такъ тогда зачѣмъ и секретарь? Не нужно секретаря, прочь его. Вѣдь законы-то не дураками писаны, Алексѣй Александровичъ. Такъ оно то́ и значитъ, что все это дѣло секретарское а не наше. Такъ ли?

Алексѣй Александровичъ.

Конечно такъ, однакожъ для чего-нибудь мы здѣсь да сидимъ?

Семенъ Ивановичъ.

Да такъ, для порядку.

Алексѣй Александровичъ.

Для порядку... то-есть, конечно, пожалу не спорю, но... но... ну, а когда секр плохъ?

Семенъ Ивановичъ.

Плохого держать не надо. Хорошій с тарь первое дѣло. Вѣдъ это я вамъ про уг ную палату говорю; наше дѣло покойнѣе, въ гражданской. Работы у насъ меньше, дѣла-то по большей части не корыстныя; р рѣдко, перепадетъ дѣльцо о дворянинѣ, и купцѣ богатомъ. Такъ оно, если иной ра выдерутъ мужика, такъ, ни за что бѣда-тс и не велика... Ну-съ, а гдѣ дѣло-то пова: тамъ и секретарь смотритъ въ оба! Вѣдь насъ станутъ судить, такъ и онъ не отвертит Такъ-то, батюшка, Алексѣй Александрович Да и то вы въ разсчетъ возьмите, вѣдь рѣшенія просматриваетъ прокуроръ и губерна за неправое рѣшеніе кто отвѣчаетъ? Не мы и они также... У насъ оттого и заведеніе т коли прокурору что въ рѣшеніи не прав или губернатору, такъ мы домашнимъ образс перепpавляемъ дѣло. Что его въ сенатъ-то тас За то ужъ всѣ промахнемся, или дѣло рѣ криво такъ ужъ всѣ молчокъ, другъ друг выдадимъ, все шито да крыто; дѣло-то вѣдь о батюшка Алексѣй Александровичъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да, а коли губернаторъ согласенъ, а прс свое поётъ?

Семенъ Ивановичъ.

Ну, кто изъ нихъ посильнѣе, съ тѣмъ и надо дить. Коли на-примѣръ, у прокурора одинъ ги два протеста министромъ или сенатомъ не зажены, такъ съ нимъ очень-то и церемониться слѣдуетъ. Да и о томъ подумайте, Алексѣй іексадровичъ, вѣдь дѣла-то къ намъ почти всѣ ъ нижнихъ инстанцій приходятъ, вѣдь тамъ дураки-же сидятъ, дѣло-то они все-таки какъ-ибудь да порѣшили.

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ вы говорите губернаторъ, да прокуроръ, намедни Александръ Матвѣевичъ сказывалъ, что гбернаторъ ему говоритъ: я, говоритъ, за уголовной ылатой живу, какъ у Христа за пазухой, мнѣ и іхъ разсматривать нечего.

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь у него канцелярія есть, батюшка іексѣй Александровичъ, не онъ, такъ она иным ілом-то и поинтересуется. Ну онъ за нами, а ы за нимъ, а все (вздыхая) Богомъ держится. Я ымъ доложу, я вотъ уже 17 лѣтъ здѣсь сижу: такія дѣла дѣлались, разсказать вамъ, такъ и повѣрите, ужъ про такія дѣла нынче и не слышите, а все, слава богу, сходитъ съ рукъ; жалобы, ни штрафу... Надо жить ладно со ѣми, по пріятельски... Ну и захочетъ кто аловаться, такъ не много возметъ... и губер-ыторъ пріятель, и жандармскій пріятель! Нѣтъ, о ни говорите, Алексѣй Александровичъ, а слу-ить у насъ можно. Намъ за нижними инстан-ями, да за губернаторомъ, да за прокуроромъ, за секретаремъ-знающимъ, хорошо жить, ей гу, хорошо!

Алексѣй Александровичъ
(встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ въ разду

За секретаремъ... Гмъ! Конечно, секрета
насъ человѣкъ знающій... Молодой, это пр
но образованный и въ университетѣ восп
вался... съ нимъ обо всемъ, даже о литера
говорить можно... это такъ! Но все-же его
въ рукахъ держать; все-же онъ подчиненны

Семенъ Ивановичъ.

У насъ секретарь знатный. Дѣло свое зн
а ужъ смиренный какой! Ужъ онъ, повѣ
противъ присутствующихъ не пойдетъ. Вѣдь
сирота, одна только мать старушка, связей н
кихъ нѣтъ. И человѣкъ не корыстный.
правда, почти и брать-то не съ кого, его
подсудимые не очень уважаютъ все больше
намъ относятся. Ну, да ему что прикажешь
и сдѣлаетъ...

Алексѣй Александровичъ.

Ну, все-же, я думаю, не безъ того... я
ванье у него небольшое.

Семенъ Ивановичъ.

Жалованье небольшое, это правда, да вѣдь
и предсѣдатель помагаетъ, и купцы помогают
Ну, и конечно, притѣснять-то онъ никого не
нетъ, а коли кто изъ милости и за труды да
такъ чтожъ, въ этомъ его и Богъ не осудит

Алексѣй Александровичъ.

Не осудитъ, конечно. Это что! Я про э
не говорю. Это и у насъ въ военной слу
водится... это, это, я вамъ скажу, по моему мнѣ
мундиръ не мараетъ...

Семенъ Ивановичъ.

Не мараетъ, не мараетъ.

Алексѣй Александровичъ.

Все это такъ, Семенъ Ивановичъ, все что вы говорите, это все, или почти все справедливо, и основано на долговременной опытности вашей, на практикѣ. Но по теоріи оно не совсѣмъ такъ. По теоріи, присутствующій, т. е. членъ долженъ имѣть нѣкоторое значеніе поважнѣе, я тасъ разумѣю.

Семенъ Ивановичъ.

Да какого вамъ еще значенія нужно? Вѣдь я я вамъ и не говорю, чтобы ужъ вовсе въ дѣла не заглядывать... Извѣстное дѣло: коли попроситъ кто о чемъ, или ужъ такой уголовный казусъ, что вся губернія такъ на насъ глаза и выпучитъ... ну, тутъ нельзя съ дѣломъ не познакомиться, надо хоть секретаря-то пораспросить... во всякихъ другихъ случаяхъ, повѣрьте, батюшка, Алексѣй Александровичъ, лучше и не мѣшиваться ей богу лучше, еще пуще дѣло запутаешь... Только развѣ и наказывать секретарю, чтобы приговоры-то были, знаете, помягче.

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, зачѣмъ-же помягче? коли преступникъ, тутъ нечего миловать. Вѣдь ужъ тамъ, какъ ни говорите, а мы все-таки судьи! Вѣдь оно, конечно, фигурально, а все-таки для чего нибудь палата Храмомъ Правосудія да называется, какъ хотите? Нѣтъ, по моему мнѣнію, мы должны имѣть въ виду одну только строгость законовъ, не больше. Тутъ ужъ увлекаться сердцемъ не прилично, тутъ ужъ лицепріятія не допускаю, какъ хотите, не допускаю. Разумѣется, если кто изъ знакомыхъ попроситъ, такъ отчегожъ иногда и не пощадить...

но вообще, поблажать преступленію не слѣдуетъ ни какъ не слѣдуетъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да такъ оно пожалуй, а все лучше, знаете эдакъ, по человѣчеству!...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, знаете, у меня другой методъ, другой взглядъ на вещи и на наше званіе, взглядъ можетъ быть нѣсколько военный, но тѣмъ не менѣе другой. Вы очень справедливо замѣтили, что тогда не нужно было-бы и секретаря... это очень очень вѣрно, и я скажу вамъ даже, что это можетъ быть унизило-бы и званіе присутствующихъ, но тѣмъ не менѣе правосудіе законовъ.

Семенъ Ивановичъ.

Вотъ вы говорите законы, законы! да вѣдь законовъ-то что? Просто гибель. Да еще каждый годъ все прибавленія да добавленія; выдумали какое-то новое уголовное уложеніе, чтобъ изъ степени въ степень переводить... ну, я васъ спрашиваю, батюшка, Алексѣй Александровичъ, досугъ ли намъ этимъ заниматься! Вѣдь наше дѣло дворянское: у васъ есть крестьяне, ну и меня богъ ими не обидѣлъ. Стало, ужъ забота есть... Вотъ на этотъ-то предметъ и заведены подъячіе. Ужъ они на этомъ и стоятъ, на законахъ-то. Ну, и всякое дѣло мастера боится. Еслибъ и вздумалъ кто изъ насъ законамъ-то поучится, все ужъ противъ канцеляріи не будемъ, да и не дворянское оно дѣло, я вамъ докладываю.

Алексѣй Александровичъ.

Конечно, конечно, отчасти... но позвольте позвольте, я еще не развилъ вамъ мою мысль...

Дѣйствительно, нашему брату, присутствующему, во всѣ мелочи входить не слѣдуетъ, мало того, не слѣдуетъ и во всякое дѣло входить. Но что нибудь да мы должны дѣлать? Не такъ-ли? Мы и должны дѣлать — но, знаете, эдакъ, вообще свыше... Такъ на-примѣръ, развѣ я даромъ здѣсь сижу? нѣт-съ, оттого что я здѣсь сижу, ну и вы, разумѣется, оттого можетъ быть и дѣла у насъ идутъ какъ слѣдуетъ. Секретарь-то и держитъ ухо востро. Вѣдь мы можемъ его иногда и повѣрить? Вотъ онъ это и знаетъ и боится: я вообще нахожу, что надо, чтобы канцелярія нѣсколько боялась присутствующихъ. И вообще, по моему мнѣнію, полезенъ, очень полезенъ и такой маневръ: иногда, знаете, просмотрѣть дѣло, иногда задать секретарю неожиданный вопросъ...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и писецъ Швейкинъ, (въ сюртукѣ, застегнутъ на всѣ пуговицы, волосы напомажены и гладко причесаны).

Швейкинъ (робко останавливается у дверей).

Семенъ Ивановичъ.

Ты что, братецъ?

Швейкинъ (робко подходя).

Ваше высокоблагородіе, Семенъ Ивановичъ, сдѣлайте такую — божескую милость...

Семенъ Ивановичъ.

Что, что такое?

Швейкинъ.

Прикажите, ваше высокоблагородіе, мнѣ вмѣсто Галкина приговоры читать...

Семенъ Ивановичъ.

Какіе приговоры?

Швейкинъ.

Да арестантскіе-съ. Нынче арестантамъ і говоры объявлять будутъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да, да... я видѣлъ ихъ, тамъ ихъ что-то мн

Швейкинъ.

Человѣкъ пять-съ.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, такъ чтожъ?

Швейкинъ.

Я, ваше высокоблагородіе, приговоры-т приготовился читать, а Галкинъ говоритъ, чт пуститъ. Это, говоритъ, мое дѣло, мнѣ, говор присутствующіе приказали.

Алексѣй Александровичъ

(садясь на свое мѣсто).

Да чтожъ вамъ, мой милый, развѣ не равно?

Швейкинъ.

Помилуйте, ваше высокоблагородіе. Когд все равно? Оно все-таки передъ публикой, открытыхъ дверяхъ, да и у присутствующ на виду. И между товарищами-то почетн все-же не просто писецъ... Какъ можно, Але Александровичъ, оно лестно-съ, очень лестн Ваше высокоблагородіе, Семенъ Ивановичъ, вы позвольте, сдѣлайте милость — позвольт нынче и пріодѣлся почище, а Галкина, сами и лите знать, и въ присутствіе-то пустить сты У меня и голосъ-то получше. Ужъ вы поощр

Семенъ Ивановичъ, сдѣлайте милость, поощрите. Я бойко прочту.

Алексѣй Александровичъ (сердито).

Чтожъ это вы, мой милый, только къ Семену Ивановичу обращаетесь; здѣсь не одинъ онъ...

Швейкинъ.

Виноватъ, ваше высокоблагородіе, я и ваше высокоблагородіе прошу.

Семенъ Ивановичъ (къ Алексѣю Александровичу).

Да это они такъ, по привычкѣ, вашъ предмѣстникъ, не очень-то ими занимался... Какъ-же вы полагаете, Алексѣй Александровичъ, дозволить?

Алексѣй Александровичъ.

По моему дозволить. (Въ это время входитъ секретарь и садится на свое мѣсто).

Семенъ Ивановичъ.

Такъ, да не охотникъ-то я старые порядки мѣнять. Галкинъ-то попривыкъ, ну да и обидно ему будетъ... Развѣ ужъ такъ, для нынѣшняго дня?... Не хочу ужъ для имянинницы никого разогорчать. Да вотъ и вы дозволяете... ну ужъ такъ и быть. Только чтобы половину приговоровъ прочелъ Галкинъ, а другую ты...

Швейкинъ (радостно).

Покорнѣйше благодарю, ваше высокоблагородіе, покорнѣйше благодарю. (Кланяется обоимъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же безъ Швейкина.

Алексѣй Александровичъ.

Каковъ франтъ! ха, ха! Замѣтили вы? а? штрипки къ брюкамъ пришилъ! Мы штрипки сняли, а они только что надѣваютъ! Ха, ха!

Семенъ Ивановичъ (къ секретарю).

Я думаю, Петръ Ильичъ, дозволить можно?

Секретарь.

Можно-съ, можно. Пусть читаетъ, коли охота есть.

Семенъ Ивановичъ.

Вѣдь, кажется, онъ малый хорошій?

Секретарь.

Хорошій малый, смирный и усердный.

Алексѣй Александровичъ.

А знаете, мнѣ это нравится. Амбиція видна. Есть покрайней-мѣрѣ амбиція у человѣка!

Семенъ Ивановичъ.

Алексѣй Александровичъ! приговоры-то, батюшка, подпишите; Александръ Матвѣевичъ пріѣдетъ, такъ надо ихъ отдать, для подписи-то.

Алексѣй Александровичъ.

Правда, правда! (Беретъ приговоръ въ одну руку, въ другую перо. Семенъ Ивановичъ пишетъ. Секретарь пишетъ. Молчаніе.)

Алексѣй Александровичъ.

Гмъ! Этотъ приговоръ о чемъ? (Перелистывая.) Какой толстой... (Читая заголовокъ.) "О поджогѣ

крестьянскимъ мальчикомъ Лукинымъ деревни Ковригиной"... Надо прочесть (читая про себя)... мм... мм... мм... Э! да онъ въ сенатъ отправляется! Ну богъ съ нимъ! Пусть тамъ и разсудятъ. (Подписываетъ и беретъ другой приговоръ)... Этотъ о чемъ?... "О подкинутіи, будто-бы изъ бѣдности — крестьянскою женкою Власьевой законнорожденную трехъ-мѣсячную дочь"... Слышите, Семенъ Ивановичъ, изъ бѣдности, а?... законнорожденную?

Семенъ Ивановичъ.

Вретъ бестія! А впрочемъ, богъ вѣдаетъ, можетъ и не вретъ... Всякое бываетъ! А чтожъ, ее сѣкутъ?

Алексѣй Александровичъ.

Да вотъ посмотрю (смотритъ въ послѣдній листъ) сѣкутъ, сѣкутъ, да еще́ какъ больно сѣкутъ! 80-ю ударами розогъ. Впрочемъ, кажется, тутъ все вѣрно, (къ секретарю) доказательства есть?

Секретарь.

Какъ-же-съ, есть.

Алексѣй Александровичъ.

А, ну такъ хорошо. Главное чтобъ были доказательства!... (Подписываетъ и беретъ еще приговоръ.) Сколько ихъ, приговоровъ-то! Этотъ о чемъ? "О воровствѣ изъ амбара муки" — (Свиститъ.) Ну этотъ не интересенъ... Ахъ, боже мой, кстати вспомнилъ! (Звонитъ; входитъ вахмистръ)... Спроси у Крикунова записку по дѣлу Кондратьевой, (вахмистръ уходитъ) просила меня кузина моя.

Семенъ Ивановичъ (продолжая писать).

Дарья Савишна?

Алексѣй Александровичъ.

Дарья Савишна. Дѣло у нея есть въ палатѣ, человѣкъ ея въ кражѣ попался. Такъ вотъ она и проситъ: нельзя-ли его не наказывать, а оставить въ подозрѣніи, знаете, чтобы человѣкъ-то не пропадалъ даромъ, чтобы она могла его съ зачетомъ въ солдаты отдать.

Семенъ Ивановичъ.

И дѣло!

Алексѣй Александровичъ.

Конечно, дѣло, но я ее сначала таки-постращалъ, хе, хе, хе! Нѣтъ, говорю, кузина, не надѣйтесь; у насъ Ѳемида слѣпая, безпощадная, у насъ только и слышно, что розги, плети, Сибирь, каторга! А она: (передразнивая ее) ахъ какіе ужасы, ахъ какой-ты, говоритъ, cousin infernal… (Входитъ Вахмистръ и подаетъ бумагу, Алексѣй Александровичъ взглянулъ на бумагу) Вотъ тебѣ и infernal! Прошу покорно, совсѣмъ не то сдѣлалъ, что я приказалъ. Я велѣлъ ему сдѣлать записку изъ дѣла, да подвести законы, такъ чтобы выходило подозрѣніе, хотѣлъ кузинѣ показать, а онъ, чортъ знаетъ что нагородилъ; не то, совсѣмъ не то! (Вскакиваетъ.)

Секретарь (вставъ съ мѣста).

Вы-бы изволили это мнѣ поручить; гдѣ-же ему съ этимъ сладить!

Алексѣй Александровичъ.

Я думалъ, что и онъ съумѣетъ, у васъ и б[illegible] того дѣла много… Впрочемъ, вы таки э[illegible] займитесь… Но я распеку его, распеку-съ, п[illegible] комъ распеку!… это нарушеніе дисциплины, [illegible] такъ оставить нельзя. (Уходитъ въ канцелярі[illegible] вслѣдъ за этимъ слышится его голосъ.)

Семенъ Ивановичъ.

Вишь, какъ разшумѣлся, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ
(возвращаясь на свое мѣсто).

А все вы, Семенъ Ивановичъ, балуете ихъ не въ мѣру... Такъ вы, Петръ Ильичъ, этимъ займитесь?

Секретарь.

Очень хорошо-съ. (Уходитъ въ канцелярію, Семенъ Ивановичъ пишетъ, Алексѣй Александровичъ подписываетъ. Молчаніе, скрипъ перьевъ.)

Семенъ Ивановичъ (продолжая писать).

Встрѣтилъ я вчера Андрея Семеныча, вотъ что къ намъ въ предсѣдатели балотировался, хе, хе, хе! Сердитъ больно на Александра Матвѣича! Ну, вѣдь и то сказать, предсѣдателемъ ему-бы надо быть, а не Александру Матвѣичу.

Алексѣй Александровичъ.

Что и говорить! Я вѣдь ему на выборахъ и шаръ бѣлый положилъ.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, да что прикажете дѣлать! Дворяне не захотѣли, конечно, Александръ Матвѣичъ хлѣбосолъ, и съ губернаторомъ пріятель, и всякіе обѣды устроить мастеръ, и по клубу-то полезенъ, ну и денегъ-то у него побольше... а Андрей Семенычъ, хоть дока, да скупенекъ немножко.

Алексѣй Александровичъ.

За-то человѣкъ просвѣщенный. Вѣдь между нами сказать (оглядывается), что такое Александръ Матвѣичъ? Только что богатъ, а вѣдь безъ всякаго образованія, нигдѣ не воспитывался, даже въ

Петербургѣ не былъ, послужилъ гдѣ-то годика два, въ какомъ-то пѣхотномъ полку, да и вышелъ въ отставку.

Семенъ Ивановичъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ такъ, онъ служилъ и уѣзднымъ судьей три года.

Алексѣй Александровичъ.

Экая важность! судьею! Нѣтъ, тутъ всему виною его богатая женитьба. Вѣдь бываетъ-же нѣкоторымъ такое счастье! Будь у меня деньги, такъ я-бы былъ предсѣдателемъ получше его, право! Повѣрите, Семенъ Ивановичъ, иной разъ просто совѣстно за него дѣлается. Намедни я былъ какъ-то вмѣстѣ съ нимъ на вчерѣ... я повелъ рѣчь о литературѣ, заговорилъ съ нимъ о Державинѣ... онъ на меня глаза такъ и выпучилъ; заговорилъ о Ломоносовѣ — онъ и рѣчь заминаетъ.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, батюшка, Алексѣй Александровичъ, это еще не бѣда, ей богу не бѣда. Этого въ нашей должности не требуется... А человѣкъ онъ все-таки добрый, право!

Алексѣй Александровичъ.

Какъ не бѣда! Вы на-примѣръ, вы хотъ сами литературой не занимаетесь, вы засѣдатель, и изъ засѣдателей выше не мѣтите... а вѣдь онъ, какъ хотите, вѣдь онъ все-таки предсѣдатель.

Семенъ Ивановичъ.

А умѣетъ-таки пыль пустить въ глаза; нечего сказать, мастеръ! вотъ посмотрите, послѣ завтра царскій день — какъ онъ разрядится! мундиръ

всегда новый, золото такъ и горитъ, штаны бѣлые съ лампасами.

Алексѣй Александровичъ.

Чтó-жъ, что золото горитъ?... Наружный блескъ одинъ, только это и есть! (Съ негодованіемъ махнувъ рукою). Э! да что говорить: Калигула!

"Калигула, твой конь въ сенатѣ,
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ,
Сіяютъ"...

ЯВЛЕНІЕ X.

Входитъ Секретарь и подноситъ листъ бумаги Семену Ивановичу.

Секретарь.

Потрудитесь подписать, Семенъ Ивановичъ, одинъ указъ. Забылъ подать вамъ прежде. (Семенъ Ивановичъ беретъ указъ и подписываетъ.)

Алексѣй Александровичъ.

И мнѣ подписать?

Секретарь.

Нѣтъ, достаточно одной подписи.

Алексѣй Александровичъ.

Это о чемъ?

Секретарь.

О Домнѣ Макаровой... Изволите помнить эту молоденькую, смуглую дѣвушку, которой приговоръ на прошлой недѣлѣ объявленъ.

Алексѣй Александровичъ.

Да, да... это та хорошенькая мѣщаночка, о

которой вы разсказывали, что она съ своим
любленнымъ въ бродяжничество отправила
Еще съ черными глазками-то? Помню, г
Ну что-жъ, мы ее къ чему приговорили?

Секретарь.

Высѣчь.

Алексѣй Александровичъ.

* Какъ? tout' bonnement высѣчь?

Секретарь.

Да, высѣчь розгами, съ лишеніемъ, разум
всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію при
ныхъ ей правъ и преимуществъ, ну да это
счетъ... (Беретъ указъ и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же безъ секретаря, Семенъ Ивановичъ пишетъ, А
Александровичъ подписываетъ.

Семенъ Ивановичъ (послѣ нѣкотораго мо.
А что, новую губернаторшу видѣли?

Алексѣй Александровичъ.

Видѣть-то видѣлъ, но лично еще незн
Кажется дама умная, свѣтская, и съ с
ваніемъ... видно, что хороша была собой
хорошомъ обществѣ была. Немножко черезъ
важничаетъ; говорятъ, горда немного... А
съ ней познакомиться, надо! не знаю только
это сдѣлать?

Семенъ Ивановичъ.

Да чего-же лучше? Вы вѣдь у Ва
Петровны будете? Ну, а тамъ и губерна

удетъ, навѣрное. Вѣдь ужъ Варвара Петровна-го всякой губернаторшѣ другъ...

Алексѣй Александровичъ.

Да, да! превосходно сказалъ Карповъ про нее ъ своей "Панорамѣ" нашего губернскаго города, то она чиновница особыхъ порученій при губер-аторшахъ, ха, ха, ха! Вѣдь презло! Вы не читали Панорамы"?

Семенъ Ивановичъ.

Это, гдѣ.онъ нашъ городъ раскритиковалъ? лышалъ, слышалъ, только не читалъ...

Алексѣй Александровичъ.

Прочтите! У меня она есть. Очень, очень едурно; для губернскаго города хоть куда. Ну, онечно, не первостатейный поэтъ, а много, много оли! Хотите я вамъ дамъ?

Семенъ Ивановичъ.

Дайте, дайте, посмотримъ.

Алексѣй Александровичъ.

Посмотрите... Гмъ! говорятъ губернаторша ечера будетъ давать.

Семенъ Ивановичъ.

Говорила мнѣ исправничиха, не знаю.

Алексѣй Александровичъ (кладя перо, дружескимъ тономъ).

Послушайте, Семенъ Ивановичъ, знаете что? ѣдь такое проклятое званіе это, засѣдательское! икакъ эдакъ и въ beau monde не попадешь. о-есть, что я говорю, не попадешь? Я знакомъ дѣсь со всѣмъ высшимъ обществомъ; мои отно-енія къ Прасковьѣ Алексѣевнѣ вы знаете? Она

сама губернаторшѣ ни бонтонностью и ничѣмъ не уступитъ, такая comme il faut и bon genre, что чудо! Да и не одна она... ну Вѣра Николаевна тоже... дама, ужъ извѣстно, съ высшимъ образованіемъ... Но все-же, знаете я-бы хотѣлъ, и съ губернаторшей сойтись поближе... Послушайте — губернаторша будетъ у Варвары Петровны... конечно могла-бы и сама Варвара Петровна меня съ ней познакомить... Но вѣдь Варвара Петровна тоже немножко чопорна. Хотя они и очень, очень меня любитъ, но все какъ-то, знаете, спросить ее не ловко, а самой-то ей можетъ-быть на умъ не придетъ... Знаете что? Скажите-ка — такъ, между прочимъ — Александру Матвѣичу, чтобъ онъ какъ будетъ нынче со мной у Варвары Петровны, меня эдакъ при случаѣ, губернаторшѣ и представилъ: ну сказалъ-бы, что я его сослуживецъ, что полькирую и ловокъ въ танцахъ — и тому подобное.

Семенъ Ивановичъ.

Да что-жъ вы сами-то его не попросите?

Алексѣй Александровичъ.

Да, нѣтъ! Онъ подумаетъ еще, что я навязываюсь... нѣтъ, нѣтъ! Я навязываться съ знакомствомъ ни къ кому не хочу, сохрани богъ! А спросить-то ужъ и подавно: особенно Александра Матвѣича! Я гордъ, Семенъ Ивановичъ, очень гордъ! А вы скажите это такъ, отъ себя.

Семенъ Ивановичъ.

Очень радъ, очень радъ, штука не хитрая, отчего не сказать. (Зѣваетъ и потягивается въ креслахъ.) Эхъ усталъ! походить немножко. (Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ.) Да чтó, Алексѣй

лександровичъ, говорятъ, вы того... хе, хе, хе! Вѣры Николаевны хороша дочка, что-ли?

Алексѣй Александровичъ.

Понимаю, понимаю, ха, ха, ха! хороша, хороша, ень хороша, а у Лукерьи Ѳоминичны еще учше, хе, хе, хе!

еменъ Ивановичъ (дружески грозя пальцемъ).

Эй, не погубите дѣвки даромъ! Вы-бы ужъ одной, а то за двумя разомъ, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Ха, ха, ха! За тремя, Семенъ Ивановичъ, за емя, Лизавету Андреевну забыли! да за то ужъ...

ЯВЛЕНІЕ XII.

одятъ: секретарь и писецъ Ивашкинъ изъ канце-ріи. Секретарь садится на свое мѣсто, Ивашкинъ становится подлѣ него; у обоихъ въ рукахъ бумаги.

Секретарь (привставъ).

Не обезпокою-ли я васъ, если стану считывать умаги?

Семенъ Ивановичъ и Алексѣй Александровичъ (вмѣстѣ).

Ничего, ничего.

екретарь (начинаетъ читать въ полголоса, писецъ ѣдуетъ по своей бумагѣ; секретарь отъ времени до емени поправляетъ перомъ въ своихъ бумагахъ ошибки; ышно только одно бормоганье ММ.. ММ... ММ... лексѣй Александровичъ и Семенъ Ивановичъ понижаютъ голосъ въ своемъ разговорѣ на полтона.

Алексѣй Александровичъ.

Да... такъ за то ужъ какъ сердятся на меня наши львицы, прокурорша, да жандармская! у, просто бѣда!... Лизавета Андреевна живетъ, знаете, на дворянской улицѣ, въ переулкѣ; такъ Анна Карповна, прокурорша-то, нѣтъ, нѣтъ, да и задѣнетъ меня: "Гдѣ пропадаете, милый поэтъ? Нашъ поэтъ охотникъ, видно, до переулочныхъ красавицъ"... А Любовь Карповна, жандармская-то, и стихи сочинила...

Monsieur Жабинъ въ переулкѣ
Потерялъ свое сердечко...

Ха, ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Ай да Любовь Карповна! Лихая бабенька, нечего сказать! Люблю за это! "Въ переулкѣ потерялъ сердечко"... хе, хе! (Мотаетъ головой отъ удовольствія).

Алексѣй Александровичъ.

Прелесть дамочка!... Не то, чтобы красавица, а прежантильная. (Молчаніе. Семенъ Ивановичъ ходитъ, Алексѣй Александровичъ принимается за подписываніе. Средь этого молчанія чтеніе секретаря становится слышнымъ).

Секретарь (читая).

"А потому его, крестьянина помѣщицы Маркизы Форкадедебіевръ*), лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, наказать чрезъ полицейскихъ"...

---

*) Такой фамиліи помѣщики существуютъ къ Кал ской губерніи.

Алексѣй Александровичъ.

Ну, да я вѣдь, Семенъ Ивановичъ, въ долгу не остался, я ей такой акростихъ написалъ!...

Семенъ Ивановичъ.

Что такое?

Алексѣй Александровичъ.

Акростихъ... вы не знаете, что такое акростихъ? Какъ? вы не знаете, что такое акростихъ?

Семенъ Ивановичъ.

Не знаю, не знаю! отчего-жъ мнѣ знать? Въ наше время мы, батюшка, акростихами-то не занимались.

Алексѣй Александровичъ.

О! такъ я-же вамъ растолкую. Посмотрите, какая вещь! я вамъ хоть сейчасъ новый сочиню. Ну, назначьте мнѣ имя, выберите чье-нибудь имя...

Семенъ Ивановичъ.

Имя? ну Яковъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да что̀ Яковъ!... лучше женское. Напримѣръ — Лиза.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, Лиза-такъ-Лиза!

Алексѣй Александровичъ.

Очень хорошо. Положимъ, вы пишете акростихъ на Лизу. Ну, Лиза изъ чего состоитъ? Изъ буквъ *л*, *и*, *з*, *а*, такъ-ли?

Семенъ Ивановичъ.

Такъ.

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ постойте, я возьму листъ бумаги, эдакъ будетъ виднѣй. Надо чтобы первый стихъ начинался съ буквы *Л*... (Семенъ Ивановичъ подходитъ къ столу и, наклонясь, смотритъ въ листъ бумаги, на которомъ Алексѣй Александровичъ собирается писать.) Напримѣръ... постойте, сейчасъ (морщитъ брови и думаетъ; въ это время чтеніе секретаря становится слышнѣе).

Секретарь (читая).

"И по 1120 статьѣ."

Писецъ.

"И 157-ой."

Секретарь (поправляя въ своей бумагѣ).

"И 157-ой"...

Алексѣй Александровичъ.

Позвольте, я сообразилъ... любовъ (пишетъ). Любовь... моей душѣ... Гмъ!... усталой. Ну-съ, теперь *и*... (думаетъ).

Секретарь (читая).

"И какъ бродягу въ арестантскія роты на 10 лѣтъ."

Алексѣй Александровичъ.

Изнуренной... истерзанной... изнеможенной... да, да! Изнеможенной и больной. Теперь (кусаетъ перо и думаетъ)...

Секретарь (читая).

"Упорствуя въ расколѣ", запятая (поправляетъ)... "въ расколѣ подписки не дала"...

Алексѣй Александровичъ.

З... *з*... *з*... *з*... вотъ! звучитъ (пишетъ)... звучитъ отрадою... бывалой! Прекрасно... Теперь

— А я... а ты... а я (пишетъ и зачеркиваетъ) демонъ... ну такъ и быть, (пишетъ) "а ты одна эему, всему, виной!" Вѣдь это такъ, для шутки! :о прочтите.

Семенъ Ивановичъ (читая).

"Любовь"... это что?

Алексѣй Александровичъ.

Это: моей душѣ; лучше — душѣ моей.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, душѣ моей (читая) "усталой, изнеможенной, : больной, звучитъ отрадой...

Алексѣй Александровичъ.

Отрадою... дою!

Семенъ Ивановичъ (читая).

"Отрадою бывалой, а ты, а я"...

Алексѣй Александровичъ.

"А я" — не нужно.

Семенъ Ивановичъ.

Не нужно? Хорошо (читая) "а ты одна всему иной." Ну такъ что-жъ?

Алексѣй Александровичъ.

Зотъ видите. Вотъ какъ вы этакъ, рукою-то, акроете (закрывая рукою стихи) да оставите на виду днѣ буквы, то и выйдетъ... читайте, слагайте итеры...

Семенъ Ивановичъ.

Позвольте, позвольте! (Читая съ раставновкою) I—и—з—а... Та—та—та! Понимаю! Вотъ оно ;акъ!... Ну это штука мудреная... хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Да таки не совсѣмъ легкая... я впрочемъ на это мастеръ. Вѣдь это еще такъ, для потѣхи.

Семенъ Ивановичъ (садясь на свое мѣсто).

Хитрая, хитрая!... Подпишите-ка приговоры, Алексѣй Александровичъ, вамъ еще журналъ надо подписывать.

Алексѣй Александровичъ.

Подпишу, подпишу... (подписывая) А хорошъ акростихъ, а? Да это еще что!... Подписать однако въ самомъ дѣлѣ поскорѣй! (Подписываетъ одну бумагу за другой, причемъ произноситъ свою фамилію выдавая каждую букву.) Алексѣй Ж ж...абинъ, Алексѣй Ж...абинъ, Засѣдатель Алексѣй Жабинъ. Э, какъ расчеркнулся-то ловко! Жа...бинъ! Жабинъ! Жабинъ! Жабинъ!... Жабинъ!... Жабинъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и купецъ Вахрамѣевъ; писецъ Ивашкинъ, окончивъ считку, уходитъ.

Вахрамѣевъ (крестясь на икону, раскланивается низко со всѣми).

Вашему высокоблагородію Семену Ивановичу наше почтеніе... Вашему высокоблагородію Алексѣю Александровичу...

Семенъ Ивановичъ.

Ну, что это вы, Иванъ Ѳомичъ, такъ поздно приходите? Видите, ужъ 12 часовъ!

Вахрамѣевъ.

Да вѣдь что-же-съ! и Александра Матвѣича еще нѣтъ...

Семенъ Ивановичъ.

Да что вы съ Александромъ Матвѣевичемъ авняетесь! Александръ Матвѣичъ предсѣдатель, а ы членъ, да еще купеческій!...

Вахрамѣевъ (садясь на свое мѣсто).

Хе, хе, Семенъ Ивановичъ-то, все бранится; е нзвольте безпокоиться, все подпишемъ-съ. Медленно вынимаетъ изъ кармана очки и надѣваетъ.) Ікону, извольте видѣть, у насъ нонче въ лав-ахъ подымали; оттого и опоздалъ маленько. Іего подписать-то?

Семенъ Ивановичъ.

Ну вотъ видите, какая кипа бумагъ. (Беретъ ихъ кладетъ передъ Вахрамѣевымъ.) Да вы вотъ все арочно приходите поздно, только и успѣваете умаги подписывать, а докладнаго регистра всего, олько 10-ую тетрадь пишете ... Ну, нынче икона – а вчера-то что?

Вахрамѣевъ.

Какъ-же быть-то-съ? Дѣло-то наше коммер-еское! Ну, господи благослови! (Крестится и под-исываетъ одну бумагу, потомъ крестится и подписы-аетъ другую, и вообще передъ каждой своей подписью рестится, держа между пальцами перо. Алексѣй Алек-андровичъ, окончивъ подписываніе приговоровъ, прини-ается за чтеніе "Московскихъ Вѣдомостей".)

Вахрамѣевъ (къ Семену Ивановичу).

Муку вчера купили по 93 коп. пудъ, а намед-ись, Фалѣевъ-это продалъ по рублю.

Семенъ Ивановичъ.

Чт такъ? подвезли что-ли много?

Вахрамѣевъ.

Да и подвезли, да и заводчикамъ-то винокурцымъ хлѣбъ-отъ не требуется, по той причинѣ, что отъ поставки они отказались... (Подписываетъ.)

Семенъ Ивановичъ

(взглянувъ на подпись Вахрамѣева).

Да гдѣ-жъ это вы подписываете? Ну, куда-это вы заѣхали? Совсѣмъ подъ предсѣдателя! Вотъ ваше мѣсто.

Вахрамѣевъ (почесывая затылокъ).

Виноватъ-съ!... Эхма! Не доглядѣлъ. Ну, да эта бумажка махонькая, ее и переписать можно.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Шумъ; бѣжитъ Вахмистръ и растворяетъ обѣ половины дверей въ канцелярію настежъ. Канцелярія съ шумомъ поднимается съ мѣстъ. Входитъ предсѣдатель. Всѣ въ присутствіи встаютъ и кланяются.

Предсѣдатель (съ важностію наклоняя голову).

Здравствуйте, здравствуйте, господа, здравствуйте. (Всѣ садятся; предсѣдатель проходитъ прямо въ архивную комнату, за нимъ Вахмистръ).

Предсѣдатель (выходя изъ архива въ мундирѣ, останавливается посрединѣ комнаты и оглядывается кругомъ).

Надо-бы вотъ еще драпри подѣлать къ окошкамъ. Оно, правда, хорошо и такъ, чисто и опрятно... а все-бы не мѣшало тутъ, вотъ-бы одну половину красную, а другую бѣлую.

Алексѣй Александровичъ.

Зеленую лучше, Александръ Матвѣичъ.

Предсѣдатель (садясь на свое мѣсто).

Нѣтъ, красную лучше. И въ губернскомъ равленіи красная. Да вотъ, Иванъ Ѳомичъ мнѣ нови пожертвуетъ, хе, хе, хе! а я палки золотыя жъ на себя возьму.

Вахрамѣевъ.

Да ужъ и такъ испрожертвовался совсѣмъ, лександръ Матвѣичъ! Вѣдь вотъ, мы и скамьи амъ въ канцелярію понадѣлали.

Предсѣдатель.

Эка важность, скамейки! Вѣдь это все къ ести твоей отнесется, я и губернатору скажу.

екретарь (подходя къ предсѣдателю съ бумагами).

Вотъ бумаги полученныя съ почты, отмѣтить е угодно-ли?

Предсѣдатель.

А! хорошо, хорошо. Какое нынче число?

Секретарь.

4-ое — (Кладетъ бумаги на столъ и возвращается на вое мѣсто.)

Предсѣдатель (отмѣчая бумагу).

4-ое? — хорошо. (Отмѣчая) 4-ое Декабря 184... -ое Декабря 184... 4 Декабря... Слышали, господа, оворили вчера въ клубѣ, что государь поѣхалъ зъ Петербурга въ кіевскую губернію?

Алексѣй Александровичъ (подписывая журналъ).

Въ кіевскую? Гмъ! Зачѣмъ бы это?

Семенъ Ивановичъ (переписывая докладной регистръ).

Такъ, вѣдь онъ часто ѣздитъ!

Предсѣдатель.

Не въ томъ дѣло, а вотъ что̀. Губернаторъ и сказалъ: хотя мы и въ сторонѣ, ну, да неравно царь вздумаетъ поѣхать и чрезъ нашу губернію... вѣдь ему дорога вездѣ вольная... хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Вольная, вольная!

Предсѣдатель.

Ну, поѣдетъ, господа, царь чрезъ нашъ городъ, станетъ все осматривать... Ну, коли онъ вздумаетъ завернуть и къ намъ въ палату?

Семенъ Ивановичъ.

Помилуйте, Александръ Матвѣичъ, зачѣмъ ему въ нашу палату? Такое-ли это мѣсто, чтобъ царю его осматривать!... Сюда ни одинъ никогда и не захаживалъ!...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Отчего-же ему и не зайти? Вѣдь палата все-таки... послѣ сената первая инстанція!

Предсѣдадель.

Ну, не ровенъ часъ; вздумаетъ, да и полно. Можетъ строеніе захочетъ посмотрѣть...

Семенъ Ивановичъ.

Наврядъ-ли! Богъ милостивъ! Ну да коли пожалуетъ, что-жъ, милости просимъ! (Осматривая) У насъ кажется все въ порядкѣ.

Предсѣдатель.

Въ порядкѣ? Не все-то вы видите, господа, а я нынче ночью вспомнилъ; да и утро все продумалъ.

Алексѣй Александровичъ.

Чтожъ такое, что?

Предсѣдатель.

Да вотъ что. Гм! Есть у насъ портретъ 'осударя или нѣтъ?

Семенъ Ивановичъ.

Какъ-же, есть! вѣдь вотъ онъ, сзади васъ.

Предсѣдатель.

То-то есть! По вашему есть, а по моему нѣтъ, г. е. все равно что нѣтъ.

Алексѣй Александровичъ.

Отчего-же *нѣтъ?*

Предсѣдатель.

Вотъ вамъ и загадка!... хе, хе, хе! (Оборачи-ается къ портрету.) Оно точно, невдругъ дога-аешься, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Чтожъ-бы такое?

Алексѣй Александровичъ.

Чѣмъ-же это не портретъ? Конечно, государь дѣсь нарисованъ молодымъ, очень молодымъ, :удощавымъ.*)

Предсѣдатель.

Та—та—та! Въ томъ то и штука. (Шопотомъ.) ѣдъ онъ безъ усовъ!

Алексѣй Александровичъ.

Вообразите-жъ! Смотрѣлъ, смотрѣлъ, и въ 'олову не пришло!

---

*) Такъ рисовались портреты императора Николая въ :ервые годы его царствованія.

Предсѣдатель.

То-то-же! Ну, а вѣдь вы знаете, царь ус
любитъ.

Семенъ Ивановичъ и Алексѣй Александровичъ (вмѣстѣ).

Любитъ, любитъ!

Предсѣдатель.

Вотъ и въ губернскомъ правленіи съ усам
а у насъ безъ усовъ! Вѣдь эдакъ, господа, согл
ситесь, рисковать не должно.

Алексѣй Александровичъ.

Никакъ не должно! Я помню, на одном
смотру, государь изволилъ обратить особенн
вниманіе на офицерскіе усы.

Семенъ Ивановичъ.

Такъ что-же, Александръ Матвѣичъ? Вѣ
новый-то дорого стоитъ, да и не скоро его доб
дешь?

Предсѣдатель.

Хе, хе, хе! Я ужъ это все сообразилъ, ул
дилъ. Я думаю, господа, вотъ что: пригласи
лучшаго здѣшняго живописца, да и подмалева
государю усы! — А! какъ вы думаете?*)

Семенъ Ивановичъ (смотря на портретъ).

Чтожъ! Мѣсто будетъ; только знаете, на
поосторожнѣй...

Алексѣй Александривичъ.

Лучше-бы новый, Александръ Матвѣичъ,
то какъ-то не хорошо: портретъ старый, а ус
свѣжіе.

---

*) Истинный фактъ.

Предсѣдатель.

Такъ чтожъ, что свѣжіе... были-бы только усы...

Алексѣй Александровичъ.

Конечно, все-таки больше сходства.

Предсѣдатель.

Вотъ мы этимъ на дняхъ и займемся... (Отмѣчая бумаги.) Э, да тутъ сенатскій указъ... о чемъ онъ, Петръ Ильичъ?

Секретарь (привставъ).

Указъ не важный. Демейкинъ жаловался на то, что мы не допустили его къ аппелляціи; Сенатъ съ приложеніемъ прошенія и требуетъ по оному объясненія... Жалоба неосновательная.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, коли неосновательная, чтожъ еще Сенатъ спрашиваетъ? Самъ-бы разобралъ дѣло, а тутъ, поди, отписывайся! Ей богу — точно не знаютъ, что у пасъ работы не меньше ихняго будетъ!

Предсѣдатель.

А писцовъ-то мало.

Семенъ Ивановичъ.

А писцовъ-то мало... Вотъ былъ у насъ юкойникъ предсѣдатель Утятниковъ... это еще іри губернаторѣ Карпѣ Өедоровичѣ Емельянковѣ... 'у, тотъ выкидывалъ такія штуки, что только дному богу извѣстно, какъ это онъ цѣлъ остался. него для этихъ указовъ сенатскихъ былъ особый исецъ: съ виду, бестія, писалъ такъ красиво, го заглядѣнье! а разобрать — ничего не разбеэшь! Просто глаза всѣ даромъ истеряешь, и)лько. Вотъ, какъ бывало потребуютъ изъ Сената

объясненія по жалобѣ, а жалоба-то, знаете, опасная, основательная, такъ онъ и закатитъ бывало въ Сенатъ объяснительный рапортъ, эдакъ листовъ въ 20, да все такого письма. Ну, понимается, въ Сенатѣ повертятъ его въ рукахъ, повертятъ, читать-то никому и не хочется; такъ и отвѣтятъ, бывало — поступить дескать по законамъ, хе, хе, хе! Проказникъ былъ покойникъ! (Все смѣются.)

Предсѣдатель.

А вѣдь-бы и намъ завести такого не худо, право! хе, хе, хе! Ну-съ, а этотъ указъ о чемъ?

Секретарь (приставъ).

Это Сенатъ даетъ знатъ къ свѣденію объ отказѣ своемъ по прошенію мѣщанки Пирожниковой. Изволите помнить, было у насъ дѣло Пирожникова, что еще въ каторгу присужденъ. Мать жаловалась въ Сенатъ, такъ Сенатъ ей и объясняетъ, что во-первыхъ, мать за сына просить не можетъ, каждый отвѣчаетъ самъ за себя; а во-вторыхъ, что по 1338 ст. XV. Т., въ уголовныхъ дѣлахъ, на рѣшеніе палаты допускается аппеляція только въ случаѣ присужденія къ тяжкимъ наказаніямъ; значитъ, можно жаловаться только по исполненіи приговора, послѣ ужъ наказанія.

Предсѣдатель.

Такъ чтожъ, намъ по этому указу исполнять нечего?

Секретарь.

Нечего, это къ свѣденію.

Предсѣдатель.

И прекрасно! Ну-съ, Петръ Ильичъ, возьмите бумаги — я помѣтилъ; дайте-ка приговоры поскорѣе подписать... (Секретарь идетъ къ столу, беретъ

отмѣченныя бумаги, отбираетъ у Вахрамѣева подписанные имъ приговоры и кладетъ передъ Предсѣдателемъ).

Предсѣдатель (считая приговоры).

Э, сколько ихъ... вѣдь это, ей богу, душа радуется, какъ у насъ дѣла-то скоро идутъ. Цѣлыхъ 15.

Секретарь (съ своего мѣста).

И не пустые всѣ, Александръ Матвѣичъ, а довольно важные. Тутъ есть штукъ 5 и на каторгу!...

Предсѣдатель.

Славно, славно! (Подписываетъ.) А что, Жомовъ не былъ?

Секретарь.

Нѣтъ-съ, никого не было.

Алексѣй Александровичъ.

Жомовъ? Какой это Жомовъ?

Предсѣдатель.

А вотъ вы увидите. Онъ хотѣлъ и самъ нынче заѣхать въ Присутствіе... Отставной полковникъ, здѣшней губерніи помѣщикъ... славное имѣнье у него. (Подписывая) Вчера мы съ нимъ въ клубѣ встрѣтились.

Семенъ Ивановичъ (переписывая).

А что, Александръ Матвѣичъ, какъ ваши карточныя дѣла?

Предсѣдатель.

Плохи были... да вотъ вчера немножко поправились. Сѣли мы втроемъ, я, Жомовъ этотъ, да Прокуроръ... копѣйки по 3 поэнь... Ну-съ, проигрался онъ на порядкахъ, и мнѣ и Борису Львовичу.

Семенъ Ивановичъ.

Я его что-то не помню...

Председатель.

Да и я его почти не зналъ... Онъ вѣд въ военной службѣ служилъ, а съ отстав все живетъ въ своей деревнѣ. Ну ужъ, м — разбитной, веселый, нечего сказать! Мы съ Борисомъ Львовичемъ и катались со смѣ Вѣдовый просто! хе, хе, хе! Говоритъ, что у дѣло есть въ Палатѣ. Петръ Ильичъ, о Жо есть дѣло у насъ?

Секретарь (привставъ).

Какъ-же, и очень важное. — Онъ обвиня въ разныхъ преступленіяхъ. (Кричитъ, отворив много дверь въ канцелярію) — Швейкинъ! По дѣло о Жомовѣ. — Тутъ три дѣла соединен въ одно.*) Онъ обвиняется во 1-хъ, въ что высѣкъ своими людьми гувернантку, ставленную имъ-же къ его дѣтямъ, да еще в залъ ее купоросными масломъ — во 2-хъ, въ что засѣкъ чуть не до смерти крестьянина свое въ 3-хъ въ продажѣ фальшивыхъ рекрутс квитанцій.

Алексѣй Александровичъ.

Ого! какой гусь! Молодецъ! ха, ха, ха!

Председатель.

Да такъ-ли это? Мнѣ что-то не вѣрит какъ-же это? мало-ли вѣдь какія обвиненія ваютъ, нѣтъ, это что-то — того... (Трясетъ голо

*) Истинный фактъ. Преступленіе совершено бы Саратовской губерніи, а дѣло восходило ревизію I отдѣ 6 департамента правительствующаго сената въ Мо Оно кончилось ничѣмъ.

Секретарь.

дно по всему, что крестьянамъ его плохо. Да
л дѣло. (Швейкинъ приноситъ дѣло и, отдавъ его
рю, уходитъ. Секретарь садится на свое мѣсто и
гриваетъ дѣло).

Семенъ Ивановичъ.

моему мнѣнію, этакія дворянскія дѣла и до
і-то доводить не слѣдуетъ. Это-бы надо,
, порядкомъ домашнимъ, семейнымъ, черезъ
дителя.

Предсѣдатель.

-то и есть!... Ну какъ-же его осудить,
ей богу совѣстно какъ-то... Вѣдь все-же
акъ хотите, нашъ братъ дворянинъ. Вѣдь
го-нибудь насъ дворяне-то выбрали?

Алексѣй Александровичъ.

! По моему мнѣнію тутъ должны войти
соображенія.

Предсѣдатель.

о-же по вашему, какія?

Алексей Александровичъ.

иинистративныя. Да, да, административныя.
ите видѣть, если бросить сначала общій
ь на дѣло, такъ выйдетъ, что оно болѣе
нѣе касается помѣщичьей власти.

Предсѣдатель.

сается. Касается, Петръ Ильичъ?

Секретарь.

сается.

Алексѣй Александровичъ.

ается? хорошо. Теперь-съ, извѣстно намъ,

что въ видахъ правительства поддерживать влас помѣщика и званіе дворянина? Въ видахъ-ли?

Предсѣдатель.

Еще-бы нѣтъ! разумѣется!...

Алексѣй Александровичъ.

Ну да; отъ этого зависитъ безопасность гос дарства; очень хорошо. Мы съ вами что тако Развѣ мы не правительство?

Семенъ Ивановичъ.

Какое мы правительство! мы просто судебн мѣсто, да и все тутъ.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, нѣтъ, Семенъ Ивановичъ, Алексѣй Але сандровичъ правъ. Мы какъ-то намедни считали съ управляющимъ палатою государственны имуществъ, какъ-же? выходитъ, что я чуть-ли 4 лицо въ губерніи: 1 губернаторъ 2 вицгубе наторъ, 3е...

Алексѣй Александровичъ.

Совершенно такъ; слѣдовательно, я понима мы должны въ этомъ дѣлѣ руководствоват болѣе или менѣе правительственными соображені высшими, административными, понимаете?

Семенъ Ивановичъ.

Ну, а на счетъ гувернантки-то?

Алексѣй Александровичъ.

На счетъ гувернантки... Объ этомъ на подумать... Я подумаю, а можетъ быть и особ мнѣніе подамъ.

Семенъ Ивановичъ.

А мнѣ сдается, что въ дѣлѣ о гувернанткѣ-то замѣшалось что-нибудь такое, любовное...

Секретарь (приставъ).

Оно такъ и есть, онъ мстилъ ей за то что она не уступила его требованіямъ... Да это-же было, кажется, причиною наказанія крѣпостнаго человѣка, заступившаготся за свою жену.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, такъ и есть! мудреное дѣло, господа; ужъ гдѣ эдакое замѣшалось — тутъ и разбирать трудно... По моему мнѣнію, ну коли воръ, знаете, эдакой явный, разбойникъ, убійца, коли тамъ какой... ну такого суди!... А это, что около казны кто поживился, да тамъ эдакъ съ бабой повздорилъ... тутъ, ей богу, и судить нечего! Я-бы всѣ такія дѣла домашнимъ порядкомъ кончалъ, по отечески, ей богу!

Предсѣдатель.

Да человѣкъ-то онъ, кажется, хорошій! Ну, какъ я его обвиню?... Совѣстно какъ-то!... Ну, конечно, можетъ нравъ у него горячій. Онъ-же вдовъ, такъ по женской части можетъ того... хе, хе, хе! и слабенекъ немножко.

Семенъ Ивановичъ.

Ну, да что и говорить! Онъ можетъ быть самъ и плутъ, конечно, да кто-же не безъ слабостей! Всѣ мы люди. Вѣдь коли по душѣ, по человѣчеству-то разсуждать...

Алексѣй Александровичъ.

Вы все свое, Семенъ Ивановичъ; я ужъ вамъ говорилъ, что по душѣ само по себѣ, а по закону само по себѣ.

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь эдакъ и всѣхъ насъ можно по судъ отдать, батюшка Алексѣй Александрович Вспомню я свою молодость... Былъ я засѣдат лемъ земскаго суда... то-то весело жили! У на такъ всѣ волости и были подѣлены: у испра ника свои, у засѣдателя свои... Что въ кажд волости, примѣрно, женскаго полу, то одного зас дателя, что въ другой — то мое. Пріѣдеш бывало на слѣдствіе въ волость, такъ какъ сыр въ маслѣ и катаешься. Сотскіе ужъ такъ дѣ свое и знаютъ... Ну, конечно, съ иной — ласкої а иную и припугнешь.

Предсѣдатель.

Ха, ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

Вотъ погулялъ-то, такъ погулялъ Семен Ивановичъ. Эдакъ и нашему брату офицеру н всегда удастся, ха, ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Да ужъ было дѣло, я вамъ скажу, хе, хе, хе (Махнувъ рукой, трясетъ головой)... Хе, хе, хе!

Предсѣдатель.

Такъ какъ-же, господа? Петръ Ильичъ, чт вы тамъ высмотрѣли?

Секретарь (привставъ).

Да не хорошо дѣло, Александръ Матвѣичъ хотя онъ и не сознается, но я съ своей сторон не только убѣжденъ, но даже нахожу полно основаніе къ положительному обвиненію.

Предсѣдатель.

А доказательства есть?

Секретарь.

Да прямыхъ, отдѣльныхъ доказательствъ нѣтъ, о есть цѣлая совокупность уликъ и несовершенныхъ доказательствъ.

Предсѣдатель.

Э! совокупность уликъ... Это все равно что ничего; нѣтъ вы мнѣ подайте собственное сознаніе, или двухъ свидѣтелей, или... что тамъ еще? Ну, того, что̀ называется прямымъ доказательствомъ... А безъ этого и обвинить нельзя.

Алексѣй Александровичъ.

Отчего же нельзя? Трудно, но можно. Прокуроръ какъ-то мнѣ говорилъ, что съ помощію логики всегда можно.

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь логика-то, батюшка, у каждаго своя. Вотъ былъ у насъ старикъ предсѣдатель Кубышевъ; тотъ, бывало, объ этой совокупности и слышать не хотѣлъ. Какъ говоритъ, вѣдь совокупность — это значитъ по собственному своему разуму судить... Тутъ ошибись только — и грѣхъ! Онъ, бывало, всѣхъ въ подозрѣніи оставлялъ.

Секретарь.

Осмѣлюсь доложить, Александръ Матвѣичъ, вы сейчасъ изволили подписать одинъ приговоръ на основаніи этой-же совокупности.

Предсѣдатель.

Какъ? какой? гдѣ?

Секретарь.

Да о Филиппѣ Степановѣ, что корову укралъ...

Предсѣдатель.

Ну, вотъ что еще вздумали, я было испугался!... корову!

Алексѣй Александровичъ.

Совсѣмъ неумѣстное сравненіе!

Семенъ Ивановичъ.

Да, батюшка Петръ Ильичъ, это вы не тѣ говорите, сами посудите: во 1-хъ — дѣло идетъ о коровѣ.

Алексѣй Александровичъ.

А во 2-хъ — это все-же мужикъ. Помилуйте, тутъ совсѣмъ другое соображеніе.

Предсѣдатель.

Да, да, не то̀, совсѣмъ не то̀. Ну, скажите, Петръ Ильичъ, по дѣлу о гувернанткѣ-то, какія доказательства?

Секретарь.

Во 1-хъ — показаніе собственныхъ людей.

Предсѣдатель.

Ну, вотъ видите, господа! Собственныхъ людей! Какъ-же это мы, такъ и станемъ про барина холопу вѣрить!

Алексѣй Александровичъ (хмуря брови).

Гм! Казусъ, казусъ!

Семенъ Ивановичъ.

Не знаю какъ теперь, а прежде такъ законъ, помниться мнѣ строго запрещалъ принимать ихъ въ свидѣтели.

Секретарь.

Да и теперь онъ допускаетъ ихъ только въ случаяхъ, когда нѣтъ другихъ свидѣтелей. Одна

бѣда: показанія то разнорѣчивы. Сначала они показали всѣ въ одинъ голосъ противъ него, потомъ — видно ихъ Жомовъ застращалъ или подкупилъ — стали они отъ своихъ словъ отказываться; но потомъ опять утвердили прежнее показаніе, а въ Уѣздномъ Судѣ опять будто-бы объявили, что ихъ обвиненіе ложно. Но это ничего не значитъ и не ослабляетъ силы перваго показанія, тѣмъ болѣе...

Предсѣдатель.

Что̀ вы, что̀ вы, не торопитесь, какъ ничего не значитъ?... Дѣло идетъ о дворянинѣ! какъ ложно —

Алексѣй Александровичъ.

Безпристрастно говорю, Петръ Ильичъ, это натяжка.

Секретарь.

Какая-же натяжка! Въ первомъ своемъ показаніи, они не разнорѣчатъ другъ съ другомъ и говорятъ согласно съ прочими обстоятельствами дѣла; отрекаясь-же отъ этого показанія, они впадаютъ въ разнорѣчія, нисколько при томъ необъясняющія другихъ обстоятельствъ дѣла.

Предсѣдатель.

Не по дворянски разсуждаете: стану я крѣпостныхъ людей слушать!

Секретарь.

Но кромѣ этого, есть его письмо къ гувернанткѣ. Прутья найдены у него въ кабинетѣ...

Предсѣдатель.

Чтожъ онъ сказалъ про прутья?

Секретарь.

Говоритъ, что прутья у него заготов: были чтобы сѣчь дѣтей и крестьянъ.

Предсѣдатель.

Чтожъ? Очень вѣроятно! Развѣ онъ не отє Развѣ онъ крестьянина высѣчь не можетъ?

Алексѣй Александровичъ.

Можетъ. Не только можетъ, долженъ ин ей богу! иначе нашего крестьянина и не вᵱ мишь. Вѣдь это народъ необразованный. У въ военной службѣ каждый командиръ сѣ сколько душѣ угодно! Нѣтъ, тутъ я юр ческаго ничего не вижу. А что онъ сказалъ записку?

Секретарь.

Отрекся.

Предсѣдатель.

Ну вотъ видите, отрекся! Помилуйте!...

Секретарь.

Но сходство несомнѣнное...

Семенъ Ивановичъ (продолжая подписыва

А почерки сличали?

Секретарь.

Секретари уѣздныхъ присутственныхъ м сличали... но просто невѣроятно, сходства нашли!...

Алексѣй Александровичъ (морща лобъ

Гм!

Секретарь.

Можно будетъ сдѣлать новое сличеніе.

Предсѣдатель.

Что вы, что вы? Стану я дѣлать новое сличеніе. Вѣдь эдакъ я разобижу и Уѣздный Судъ!

Секретарь.

Какъ угодно-съ. Есть еще показаніе фельдшера, показаніе крестьянина, слышавшаго угрозы Жомова гувернанткѣ.

Предсѣдатель.

Да это что̀? Вы сами сказали, что положительныхъ доказательствъ нѣтъ. Съ его стороны кто свидѣтели!

Секретарь.

Есть одинъ, отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Жигулинъ.

Алексѣй Александровичъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ?... Гм! Это тоже что генералъ.

Семенъ Ивановичъ.

Жигулинъ?... Зналъ я однаго Жигулина. Вотъ гуляка-то былъ! лихой, нечего сказать!

Предсѣдатель.

Одинъ свидѣтель, да хорошъ. Генералъ! Генералъ врать не станетъ, а коли совретъ, значитъ, ужъ должно было такъ соврать, недаромъ!... Чтожъ мы и генералу не станемъ вѣрить?... Вѣдь генералъ двухъ свидѣтелей стоитъ!

Секретарь.

Такого закона нѣтъ.

Предсѣдатель.

Быть не можетъ. У меня тесть былъ генералъ, онъ мнѣ всегда это говорилъ.

Секретарь.

Есть статья 1197 въ XV Т., которая гов
что при двухъ противорѣчащихъ свидѣтельс
слѣдуетъ отдавать предпочтеніе знатному і
незнатнымъ ... Но ...

Предсѣдатель.

Ну, вотъ видите! Сами говорите, чє
больше?

Алексѣй Александровичъ.

Да это ясно... это дисциплина!...

Семенъ Ивановичъ.

Да вѣдь, чай, дворянъ-то спрашивали, І
Ильичъ, на повальномъ-то обыскѣ?

Предсѣдатель.

Да, да, вы скажите-ка, что̀ дворяне?

Секрета̀рь.

Да что̀ дворяне, Александръ Матвѣичъ?
яне, человѣка два, отозвались незнаніем
другіе... (пріискиваетъ въ дѣлѣ и потомъ читает
казали... "что Жомовъ ведетъ себя, какъ
лично благородному россійскому дворянину.'

Предсѣдатель.

Ну, и конечно! Я больше и разсужда
стану. Какъ-же это? Дворяне говорятъ о
мы станемъ говорить другое?

Семенъ Ивановичъ.

Да, ужъ это не ловко!

Секретарь.

Повальный обыскъ не доказательство.

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, Петръ Ильичъ, не говорите, эта

ажная. Мнѣ вѣдь все равно, Жомовъ или кто ругой... Но это, это я вамъ скажу... это...

Семенъ Ивановичъ (перебивая).

А чтожъ Уѣздный Судъ?

Секретарь.

Уѣздный Судъ его оправдалъ.

Предсѣдатель и Семенъ Ивановичъ (вмѣстѣ).

Оправдалъ?

Предсѣдатель.

Чтожъ вы мнѣ это съ самаго начала не сказали? Я-бы и толковать не сталъ.

Секретарь.

Какъ угодно-съ!

Семенъ Ивановичъ.

Ну послушайте, батюшка Петръ Ильичъ, изъ его вы хлопочете? Я, ей богу, не понимаю! амъ-то что за дѣло? Уѣздный Судъ оправдалъ, оряне одобрили, доказательствъ эдакихъ, знаете, зъ логики-то, прямыхъ нѣтъ... Мы-то изъ го будемъ горячиться?...

Предсѣдатель.

Помилуйте! свой братъ дворянинъ, а я его бить не стану!

Семенъ Ивановичъ.

Ну, конечно, что за охота! Вотъ еще, коли жетъ достаться.

Предсѣдатель.

И достаться не можетъ... Я вѣдь видѣлъ, съ мъ и губернаторъ и прокуроръ вчера разговаривали. Ничего! Губернаторъ-то еще и шутилъ

съ нимъ не мало. Они тамъ на счетъ петер бургской мадамы какой-то говорили. Смѣялис много. Вы вѣдь знаете, губернаторъ у насъ сам того, не промахъ! хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Достаться не можетъ, уѣздный судъ оправдалъ... Чего ужъ тутъ! Онъ можетъ и виноватъ, да чортъ съ нимъ, намъ-то что?

Алексѣй Александровичъ (къ секретарю).

А велико дѣло?

Секретарь.

Листовъ 500.

Алексѣй Александровичъ.

У!... (Свиститъ.)

Вахрамѣевъ (кончивъ писать).

А что, баринъ-то этотъ видно кулакъ? хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Да что вы вмѣшиваетесь, Иванъ Ѳомичъ, не ваше дѣло, о дворянахъ рѣчь... Вы вотъ регистръ-то пишите.

Вахрамѣевъ.

Извѣстно не мое... я такъ только, къ слову... (Встаетъ, складываетъ очки, подходитъ къ стѣннымъ часамъ, переходитъ къ шкафу, потомъ къ окошку.)

Предсѣдатель.

Вы, Семенъ Ивановичъ, говорите: чортъ съ нимъ! Я и этого не скажу. Вѣдь приговорить къ тяжкому наказанію, да еще дворянина... это... это просто рука не подымается... А онъ еще и знакомый человѣкъ, и полковникъ, и такой пріятный.

Секретарь.

Мнѣ, разумѣется идти противъ него не изъчего; мнѣ-же лучше, не пойдетъ дѣло въ сенатъ, такъ и хлопотъ меньше... я такъ только, для справедливости.

Алексѣй Александровичъ.

Для справедливости? Чтожъ вы думаете, вы одни только понимаете справедливость, а мы несправедливы?... Нѣтъ, господа, (встаетъ) видите-ли что! — Я не то, чтобы былъ вполнѣ согласенъ съ вами, Александръ Матвѣичъ, или съ вами, Семенъ Ивановичъ, однакожъ не могу не взять во вниманіе, во-первыхъ то, что на это дѣло слѣдуетъ смотрѣть съ высшей точки. Тутъ, по моему мнѣнію главную роль играютъ соображенія административныя... Ну и второе, мнѣніе дворянъ, конечно. Все-таки наше сословіе, высшее сословіе!.. Нельзя не уважать... можетъ быть онъ и виноватъ, но вѣдь мы судимъ по законамъ? Коли положительныхъ доказательствъ не имѣется, коли юридическихъ, замѣтьте господа, юридическихъ доказательствъ нѣтъ, такъ еслибы мы и хотѣли обвинить его — такъ не можемъ. Такъ-ли? не можемъ? Хорошо. Вы скажете — совокупность. Конечно совокупность — я согласенъ, можетъ быть по совокупности и можно... но вѣдь совокупность совосупности рознь... Да и позвольте, господа, какая-же тутъ совокупность коли въ его пользу показываетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, лицо почетное, лицо, какъ ни говорите, все-таки облеченное правительствомъ въ санъ генерала? Слѣдовательно, мое мнѣніе то, чтобъ руководствоваться точнымъ смысломъ закона, а не то, что̀ говоритъ Семенъ Ивановичъ, что надо судить по человѣчеству, или вы Александръ

Матвѣичъ, что рука не подымается... Не то! Гдѣ нужно карать, тамъ ужъ рука судьи должна подыматься! Непремѣнно должна. Но здѣсь есть другія основанія... Не такъ ли, господа? Я конечно, могъ-бы подать особое мнѣніе, я можетъ быть, его и подамъ, это для меня не затруднительно, но я не хотѣлъ-бы отдѣляться отъ своихъ сочленовъ... Я держусь только такого мнѣнія, чтобы ужъ если оправдать Жомова, такъ сдѣлать это, знаете, юридически, чтобъ все было прописано въ рѣшеніи, и законы, и общій взглядъ, и административныя соображенія, и... и... ну и все...

Предсѣдатель.

Дѣльно!!! Вѣдь дѣльно, Семенъ Ивановичъ?

Семенъ Ивановичъ.

Да ужъ это тамъ пусть секретарь напишетъ, ему и книги въ руки...

Вахрамѣевъ (смотря въ окно).

Вотъ, кажется, его превосходительство ѣдетъ. (Всѣ бросаются къ окну.)

Предсѣдатель.

Губернаторъ?... Онъ, онъ, точно онъ... куда-бы это?

Семенъ Ивановичъ.

Не одинъ, дама съ нимъ какая-то.

Вахрамѣевъ.

Это должно быть они супругу свою катаютъ...

Алексѣй Александровичъ.

Да, да, губернаторша... какой это салопъ богатый!

Предсѣдатель.

Это должно быть они въ пріютъ ѣдутъ. Въ

го, знаете, по дамской части. А каковы рысаки-о! (Всѣ возвращаются на свои мѣста)... И кучеръ какой натный!... Вѣдь это я его губернатору-то рекомендовалъ. Возьмите, говорю, ваше превосходительство, кучера Илью, подъ стать, говорю, будетъ вашимъ конямъ!... Ахъ, боже ты мой милостивый, приговоры-то еще у меня не подписаны! (Принимается подписывать. Вахрамѣевъ кланяется кому-то въ окошко, дѣлаетъ знаки и незамѣтно уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же безъ Вахрамѣева.

Алексѣй Александровичъ
(подписывая журналъ).

Что губернаторъ будетъ нынче у Варвары Петровны?

Предсѣдатель.

Непремѣнно будетъ. И губернаторша будетъ... А ужъ завтракъ какой Варвара Петровна приготовила — я вамъ скажу!

Алексѣй Александровичъ.

Значить, grand déjeuner?

Предсѣдатель.

Да ужъ такой, что послѣ него хоть и не обѣдай!... Это все я устроивалъ, я къ ней и клубнаго повара Степана отправилъ; самъ горшки съ цвѣтами разстанавливалъ. Хлопотъ-таки было не мало. Вотъ нынче, какъ ѣхалъ сюда въ палату, такъ заѣзжалъ и на кухню къ ней, взглянуть, свѣжую-ли стерлядь купили. Нельзя! Проситъ! Дѣло ея дамское. Это что у васъ, Петръ Ильичъ,

на поляхъ-то карандашомъ выставлено? 10 и 20 ударовъ.

Секретарь (привставъ).

О комъ, позвольте узнать?

Предсѣдатель (читая).

Да о Егоровѣ. Такъ мнѣ что̀ писать?

Секретарь.

20, 20...

Предсѣдатель.

Ужъ вы, пожалуйста, мнѣ это все каранд шомъ яснѣе выставляйте... никакъ не разб решь.*) (Подписываетъ, Алексѣй Александровичъ то каетъ ногой Семена Иваныча.)

Семенъ Ивановичъ (продолжая писать).

А что, Александръ Матвѣичъ, не нужно-ли е превосходительству палату представить? Прежд у насъ такъ водилось.

Предсѣдатель.

Я ужъ думалъ — да губернаторъ говорит что теперь молъ это не принято. Ну, а я вс таки себѣ на умѣ, познакомился таки съ ней п своему, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Позвольте спросить, это интересно.

Предсѣдатель.

Да вотъ какъ... какъ на дняхъ было моле ствіе въ Соборѣ, по случаю приращенія-то к

---

*) Необходимо знать, что число ударовъ, лѣтъ соде жанія и пр., выставляется въ приговорахъ рукою пре сѣдателя, для котораго секретарь и пишетъ это на поля карандашемъ

арской фамиліи, такъ я изъ Собора-то и заѣхалъ къ губернатору, какъ былъ, въ мундирѣ, и штаны ѣлые, суконные, надѣлъ, съ лампасами то... Такъ, знаете, заѣхалъ, будто-бы для того, чтобъ о театрѣ доложить...

Семенъ Ивановичъ.

Да чтожъ о театрѣ-то?

Предсѣдатель.

Какъ что? Губернатору-то хочется театръ здѣсь получше устроить; откупщикъ по его приказанію, и капиталъ ему на это пожертвовалъ... Губернаторъ еще тогда и присталъ ко мнѣ въ клубѣ: возьмитесь, говоритъ, завѣдывать хозяйственною частію... я было отнѣкивался — куда! присталь, тормошитъ, возьмите, говоритъ, да и полно! Ну, нечего дѣлать, взялъ. А хлопотъ не мало! Я вотъ нынче все утро румяны для актрисъ экономическимъ способомъ закупалъ... оттого и опоздалъ... Тутъ, Петръ Ильичъ, что̀, по дѣлу мѣщанки Наливкиной? что̀ поставить, плети или розги?

Секретарь.

Плетьми 30-ю ударами.

Предсѣдатель.

Ну плетьми, такъ плетьми! (Подписываетъ.)

Семенъ Ивановичъ.

Это значитъ почти втрое. Мнѣ намеднись экзекуторъ въ губернскомъ правленіи новыя плети показывалъ... трехвостныя!...

Предсѣдатель.

Такъ оно выходитъ 30 на серебро, ха, ха, ха! (Всѣ смѣются.)

Алексѣй Александровичъ.

Жаль, немножко не выходитъ, меньше немножко, а то почти такъ!... ха, ха!

Предсѣдателъ (подписывая).

Да, такъ вотъ, сижу я у губернатора и говорю: что̀, ея превосходительство, чай очень съ дороги устать изволили?... А онъ: нѣтъ, говоритъ, ничего пойдемте, я васъ ей представлю. А я-то, понимаете, такъ это нарочно и подвелъ, и штаны-то бѣлые съ умысломъ надѣлъ, хе, хе, хе! Вѣдь, думаю, скажутъ ей — предсѣдатель уголовной палаты, она и не пойметъ съ разу, подумаетъ — все равно что уѣздный судъ... А какъ бѣлые-то, бѣлые увидитъ, такъ и сообразитъ, что мѣсто-то генеральское!

Алексѣй Александровичъ.

Да, она можетъ быть и не замѣтила...

Предсѣдатель (машетъ рукой).

Замѣтила, замѣтила!... глаза у нея такіе быстрые, такъ разомъ человѣка съ ногъ до головы и оглядитъ. Да какъ и не замѣтить!... У меня ноги не спички какія нибудь, не Семенъ Ивановичевымъ чета, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

На высокихъ-то ногахъ штаны виднѣе, Александръ Матвѣичъ, у меня даромъ что худы, за то длинны, хе, хе! (Вытягиваетъ ногу, Александръ Матвѣичъ вытягиваетъ свою, Алексѣй Александровичъ также окидываетъ глазами свои ноги.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ-же и Вахмистръ.

Вахмистръ.

Ваше высокородіе! Конвойные солдаты спрашиваютъ: арестантамъ дожидаться прикажете, или отпустить изволите?

Председатель.

Дожидаться, разумѣется, дожидаться. (Вахмистръ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ-же безъ Вахмистра.

Алексѣй Александровичъ.

Ну что̀, губернаторша любезна была съ вами?

Председатель.

Очень, очень любезна! Я говорю: какъ вамъ, ваше превосходительство, нашъ городъ нравится? Очень, говорить, нравится!

Алексѣй Александровичъ.

Столичная учтивость, небольше! Можетъ быть про себя-то она другое говоритъ. Впрочемъ, я ее вовсе не знаю. Гм! Гм!

Семенъ Ивановичъ.

Ну вотъ нынче познакомитесь, у Варвары Петровны... Александръ Матвѣичъ, вы-бы молодаго-то человѣка губернаторшѣ представили... онъ ей и для баловъ-то пригодится...

Предсѣдатель.

И прекрасно! Непремѣнно представлю...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, зачѣмъ! Она можетъ быть, совсѣмъ этого и не хочетъ. Зачѣмъ навязываться! Я и безъ нея обойдусь...

Предсѣдатель.

Вотъ еще какой гордый! Вѣдь она все-таки губернаторша! не ей васъ отыскивать...

Алексѣй Александровичъ.

Да можетъ быть ей это будетъ непріятно?.. Впрочемъ, пожалуй!... (Послѣ нѣкотораго молчанія)... Такъ мы вмѣстѣ къ Варварѣ Петровнѣ и поѣдемъ?

Предсѣдатель.

И прекрасно, я и лошадей-то домой не отпускалъ.

Алексѣй Александровичъ (смотря на часы).

Если ужъ такъ, вѣдь скоро надо будетъ и собираться.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, еще рано!... Ну, Петръ Ильичъ, возьмите ваши приговоры, я ихъ всѣ подписалъ. (Секретарь подходитъ къ столу и собираетъ подписанныя бумаги. Алексѣй Александровичъ встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, напѣвая про себя въ полголоса: тпра, тпра, тпра, тпру!)

Предсѣдатель.

Да, совсѣмъ изъ головы вонъ! Просила меня Аделаида Никифоровна о какой-то бабѣ ея, судимой...

Секретарь.

покушеніе на самоубійство.

Предсѣдатель.

, проситъ помиловать.

эменъ Ивановичъ (кладя перо и зѣвая).

эмиловать всегда можно!...

Предсѣдатель.

въ чемъ дѣло-то — я не знаю. Обѣщалъ иться. Вотъ вы мнѣ разскажите Петръ іъ, а то, коли я съ ней нынче у Варвары эвны встрѣчусь, и дѣла знать не буду, такъ нѣ прохода не дастъ.

Секретарь.

а дѣло-то очень просто. Это молодая бабенька въ связи съ однимъ сосѣднимъ дворовымъ ѣкомъ... мужъ и засталъ ее на мѣстѣ упленія.

Алексѣй Александровичъ.

го интересно. (Останавливается и слушаетъ.)

Секретарь.

аба, разумѣется, совсѣмъ повинилась, но со ь и съ горя, особенно, какъ она показываетъ, гу что мужъ не только ее не побилъ, но и не ругнулъ ни разу, а обошелся съ нею :о и ласкаво, и утопилась было.

Алексѣй Александровичъ.

отъ странно! Отъ чего-же тутъ было ей пaться на жизнь?

Секретарь.

на говоритъ, что ей отъ этого ласковаго щенія сдѣлалось еще совѣстнѣе, а мужъ объяс-

нилъ, что видѣлъ, какъ она и безъ того мучит а потому ужъ и не ругалъ.

Алексѣй Александровичъ.

Странно! ну-съ?

Секретарь.

Она и бросилась въ рѣку, но ее увидали хотя съ трудомъ однакожъ вытащили; ее на освободить. (Писецъ изъ канцеляріи говоритъ по. растворивъ дверъ: "Петръ Ильичъ! пожалуйте, отъ губ натора пришли".)

Секретарь.

Сейчасъ.

Алексѣй Александровичъ.

Васъ зовутъ? Ступайте, мы сами рѣшимъ, і намъ укажите только законы.

Секретарь.

Извольте... вотъ тутъ Уложеніе 1493 ст. XV Томъ. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ-же безъ Секретаря.

Предсѣдатель.

Да что тутъ рѣшать, коли говоритъ на освободить. Мнѣ хотѣлось только знать.

Алексѣй Александровичъ.

Еще лучше, Александръ Матвѣичъ, разсуд дѣло: во-1-хъ — это романъ; во-2-хъ — може быть придется толковать о немъ у Варвары тровны. Вотъ посмотрите. (Читаетъ въ улож мм... мм... мм... "если кто покусился на

въ великодушнаго патріотизма" — это нейдетъ. Изъ болѣзни"... Гм! — нейдетъ. Я помню, что мнѣ секретарь какъ-то вычитывалъ обстоятельства, смягчающія вину.

Предсѣдатель.

Да вы посмотрите въ оглавленіи.

Алексѣй Александровичъ.

Въ оглавленіи? (Читая) мм... мм...

Семенъ Ивановичъ.

Тутъ-бы кажется и судить нечего. Богъ простилъ, не утонула...!

Алексѣй Александровичъ.

Вы опять, Семенъ Ивановичъ, свое! говорилъ я вамъ: богъ самъ по себѣ, а уголовные законы сами по себѣ! Мы юристы, поймите это, мы юристы. (Смотритъ въ книгу.) Нашелъ, нашелъ (читаетъ) "по глупости и крайнему невѣжеству"... какъ разъ подходитъ.

Семенъ Ивановичъ.

А знаю! Это всегда вотъ какъ пишется: "по глупости, простотѣ и невѣжеству, свойственнымъ крестьянскому быту."

Предсѣдатель.

А бабѣ въ особенности.

Алексѣй Александровичъ.

А бабѣ въ особенности! совершенно справедливо.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

(Тѣ-же и Секретарь съ бумагою въ рукѣ.)

Алексѣй Александровичъ.

Петръ Ильичъ, мы рѣшили. Освободить ее, вотъ по этой статьѣ. (Указываетъ ему статью.)

Секретарь.

Слушаю... да ее и безъ этой статьи освободить можно, ей слѣдуетъ только церковное покояніе.

Алексѣй Александровичъ.

Какъ церковное покояніе? Тамъ сказано въ случаѣ болѣзни.

Секретарь.

Тамъ можетъ быть немножко не ясно сказано, но въ случаѣ покушенія отъ болѣзни, нѣтъ даже и покаянія церковнаго.

Алексѣй Александровичъ.

Такъ, такъ, точно... Помню, тамъ немножко не ясно...

Секретарь.

Вотъ, Александръ Матвѣичъ, его превосходительство губернаторъ прислалъ приговоръ по дѣлу купца Панкратова. Онъ его не утверждаетъ, а проситъ перемѣнить. *)

Председатель.

Да, да, онъ мнѣ вчера объ этомъ въ клубѣ

---

*) Приговоры Уголовныхъ Палатъ поступаютъ всѣ на утвержденіе къ губернатору, который, если не согласенъ съ приговорами, представляетъ дѣло съ рѣшеніемъ Палаты и съ своимъ мнѣніемъ въ Сенатъ. Рѣшеніе Палаты по подписаніи приговора (протокола) измѣнено членами быть не можетъ.

говорилъ. Прокуроръ согласенъ... Вы, говорятъ, его слишкомъ слабо присудили, Петръ Ильичъ.

Секретарь.

Къ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ; чего-же больше Александръ Матвѣичъ... Онъ и безъ того уже два года сидитъ въ тюрьмѣ. Его посадили при самомъ началѣ слѣдствія.

Предсѣдатель.

Губернатору хочется, чтобъ по крайней мѣрѣ на годъ; дѣла-то въ сенатъ, по несогласію съ нами, переносить онъ не желаетъ такъ и проситъ меня передѣлать рѣшеніе такъ, между нами, домашнимъ порядкомъ.

Секретарь.

Трудно, Александръ Матвѣичъ.

Предсѣдатель.

Ну, ужъ постарайтесь!... Нельзя-же не сдѣлать угодное его превосходительству; дайте-ка сюда приговоръ... (Беретъ приговоръ, вырываетъ изъ него лоскутокъ бумаги и рветъ его на части, потомъ передаетъ его Семенъ Ивановичу и Алексѣю Акександровичу, которые дѣлаютъ тоже)... господа, не угодно-ли уничтожить свои подписи? Семенъ Ивановичъ, Алексѣй Александровичъ...

Алексѣй Александровичъ.

Пожалуй, пожалуй!... Нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ еще не бѣда... Конечно, вѣдь я могъ-бы не согласиться, ну да не стоитъ! Лучше ужъ, по моему мнѣнію, при какомъ-нибудь, знаете, важномъ случаѣ поупорствовать, а тутъ...

Семенъ Ивановичъ.

И спорить не стоитъ!

Секретарь (пожимая плечами).

Для насъ-то оно лучше... Не пойдетъ д
въ Сенатъ меньше хлопотъ, а теперь-то и (
того много работы, время ужъ позднее...

Председатель.

Въ самомъ дѣлѣ позднее! Вѣдь годъ-то
исходѣ!... Надо объ отчетахъ подумать, госп
Вѣдь вотъ третьяго и прошлаго года у н
итоги были чисты. Ни одного дѣла нерѣшеі
за Палатою не осталось. Мило было глядѣть
Да ужъ и губернаторъ-то меня какъ благодари

Алексѣй Александровичъ.

А сколько въ прошломъ году было у насъ дѣ

Секретарь.

597.

Председатель.

Слышите, 597 съ однимъ секретаремъ, тс
какъ почти вездѣ по два. За то вѣдь (улыбаяс
потирая руки), говорятъ, мы у министра на отл
номъ счету...

Алексѣй Александровичъ.

Иначе и быть не должно! Вы тò сообраз
вѣдь въ самомъ дѣлѣ, почти никогда не ман
руемъ, сидишь по нѣскольку часовъ, воротиш
домой просто измученный!

Председатель.

Охъ! хорошо-бы, знаете, коли въ нынѣшне
то году набралось-бы дѣлъ еще побольше, и
были-бы рѣшены! А? то-то бы славно!

Секретарь.

Нынче у насъ будетъ, я думаю, до 650.

Предсѣдатель.

Э! право!... А много-ли нерѣшенныхъ-то?

Секретарь.

Еще дѣлъ съ сотню осталось.

Предсѣдатель.

Что вы говорите Петръ Ильичъ, съ цѣлую сотню? Да когда-же вы это успѣете?

Секретарь.

Какъ нибудь да очистимъ! Я и самъ знаю, что безъ этого нельзя. Министерство закидаетъ запросами, такъ что и не отдѣлаешься! Вотъ извольте посмотрѣть, я составилъ роспись нерѣшенымъ дѣламъ. (Беретъ съ своего стола бумагу и подаетъ ее Предсѣдателю). Вотъ, если вамъ угодно будетъ меня разрѣшить .. Извольте видѣть... вотъ эти 20 дѣлъ объ утопившихся, удавившихся, повѣсившихся, о нечаянныхъ пожарахъ и другихъ происшествіяхъ, въ которыхъ виновныхъ не открыто. Прикажете предать ихъ, по обыкновенію, суду и волѣ Божіей?

Предсѣдатель.

Предать, предать, непремѣнно предать.

Секретарь.

Слушаю-съ. Они не составятъ затрудненія, по нимъ резолюціи и столоначальники напишутъ. Вотъ еще 15 дѣлъ о бродягахъ и непомнящихъ родства. Тутъ резолюція извѣстная, 1178 статья.

Алексѣй Александровичъ.

Чтожъ такое?

Секретарь.

Да ихъ слѣдуетъ наказать розгами отъ 30 до

40 ударовъ и отдать въ арестантскія роты на срокъ отъ 10 до 12 лѣтъ, а женщинъ въ рабочіе домы отъ 15 до 18 лѣтъ. Такъ прикажите по 1178 статьѣ?

Предсѣдатель.

По 1178... Валяйте, съ богомъ!

Секретарь.

Вотъ еще дѣлъ съ 16 или 18, очень крупныхъ... Лежали они у насъ, лежали, да никакъ не успѣлъ ими заняться.

Семенъ Ивановичъ.

Да что̀ съ ними церемониться? къ дослѣдованію ихъ!

Предсѣдатель.

Разумѣется къ дослѣдованію! къ справкамъ!

Алексѣй Александровичъ.

Коли можно дослѣдовать, такъ дослѣдовать.

Секретарь.

Дослѣдовать-то можно... по крайней мѣрѣ за нами числиться не будетъ... Вотъ еще два дѣла: первое объ убійствѣ мѣщанина Семенова, а другое по жалобѣ крестьянина князя Кушалина на управляющаго, въ 1000 листовъ. Ужъ я не знаю, какъ съ ними и быть. Первое-то дѣло тянется уже пять лѣтъ, тутъ, есть арестанты и арестантки... давно сидятъ, нечего сказать! Ну, а по другому арестованныхъ нѣтъ. Мы ужъ эти дѣла два раза обращали къ дослѣдованію, чтожъ дѣлать? Какъ нарочно поступятъ въ концѣ года...

Предсѣдатель.

Нельзя-ли опять къ дослѣдованію?

Секретарь.

Нѣтъ ужъ теперь нельзя! Хотѣлъ-было цѣликомъ пустить въ рѣшеніе мнѣніе Уѣзднаго Суда, да невозможно, такъ плохо, что ничего не поймешь! Вотъ если позволите, можно будетъ придраться къ тому, что въ одномъ дѣлѣ нѣтъ всѣхъ скрѣпъ по листамъ, а въ другомъ, какъ я успѣлъ замѣтить, не всѣ бумаги подписаны депутатомъ конно-заводскаго вѣдомства...

Предсѣдатель.

Чего-же лучше? Придирайтесь къ чему хотите, только чтобъ дѣло за нами не считалось!

Семенъ Ивановичъ.

Да вы смотрите, отошлите ихъ въ Уѣздный судъ для исправленія попозже, а то вѣдь онъ, бестія, пожалуй исправитъ и воротитъ ихъ до окончанія года.

Секретарь.

Слушаю-съ; ну, вотъ это дѣло объ оберъ-офицерскомъ сынѣ Маркотинѣ, слава богу, теперь меня уже не безпокоитъ... А преогромное дѣло! да, къ счастію нашему, умеръ... есть донесеніе.

Предсѣдатель.

И прекрасно.

Алексѣй Александровичъ.

И лучше выдумать не могъ, как говоритъ Іушкинъ.

Секретарь.

Вотъ эти дѣла пойдутъ на заключеніе Палаты Государственыхъ имуществъ. — Эти дѣла... сколько ихъ? разъ, два, три... всего семь, я кончу на дняхъ. Ну, а съ остальными какъ-нибудь справлюсь.

Предсѣдатель.

То-то же, Петръ Ильичъ, пожалуйста! сколько на нынѣшній день вы запишете рѣ ныхъ нами дѣлъ?

Секретарь.

Дѣлъ съ 12. Да вотъ что, Александръ l вѣичъ, вамъ извѣстно, что и нижнія инста теперь изъ кожи лѣзутъ, чтобы очистит спихнуть къ намъ на ревизію свои дѣла... Т развѣ по примѣру прошлаго года?

Предсѣдатель.

По примѣру прошлаго года, непремѣнно! жите регистратору, чтобъ съ 15 числа, поступл въ палату дѣлъ въ книгу не записывалъ, а с дывалъ-бы ихъ тамъ въ особомъ шкапу.

Семенъ Ивановичъ.

Ужъ лучше-бы съ 10 Декабря, Алексан Матвѣичъ; у насъ бывало предсѣдатель Жоло(всегда съ 10 Декабря прекращалъ записку.

Предсѣдатель.

Раненько, Семенъ Ивановичъ, не хорошо.] и прокуроръ говорялъ... Нѣтъ, ужъ съ 15.

Секретарь.

Слушаю-съ.

Алексѣй Александровичъ.

Да вѣдь какъ-же это? Вѣдь ихъ тамъ Уѣзднаго Суда выключаютъ, а у насъ не з шутъ, гдѣ-жъ они числиться-то будутъ.

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе!... Да такъ, между небомъ и зем Вы еще этого порядка не знаете. Такъ батю мой, вездѣ водится, и въ Сенатѣ даже!

Алексѣй Александровичъ.

Да какъ-бы за это не отвѣчать?

Семенъ Ивановичъ.

Эхъ, вы, неопытность! Ну кому до этого дѣло? Эдакъ-то лучше, и начальству пріятно и убытка никому нѣтъ. Мѣсяцомъ раньше, мѣсяцомъ позже, не бѣда! За тò ужъ всякой нумеръ очищенъ.

Алексѣй Александровичъ.

Ну, да, конечно, для репутаціи Палаты, я согласенъ.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, это все хорошо, Петръ Ильичъ. Старайтесь молодой человѣкъ, старайтесь! Начальство увидитъ ваше усердіе и...

ЯВЛЕНІЕ XX.

Входитъ Вахрамѣевъ.

Семенъ Ивановичъ.

Да гдѣ это, Иванъ Ѳомичъ, пропадали?... Вотъ, поди съ нимъ! Ему-бы докладной переписывать а онъ себѣ вѣрно чаекъ въ трактирѣ распиваетъ.

Вахрамѣевъ.

Хе, хе, хе! Нѣтъ-съ, я такъ; человѣка одного, нужнаго, въ окошко увидѣлъ, такъ поговорить это надо было... Вѣдь нельзя-же, Семенъ Ивановичъ, дѣло-то наше торговое. (Садится на свое мѣсто.)

Предсѣдатель.

Говорили вчера въ клубѣ, что намъ новые штаты вышли.

Семенъ Ивановичъ.

Да ужъ объ этомъ лѣтъ 40 говорятъ.

Алексѣй Александровичъ.

А пора, давно пора! Я просто не понимаю, какъ это у насъ юстицію, статью таки-довольно важную, совсѣмъ въ черномъ тѣлѣ держать. Ну, хоть-бы мое! Просто смѣхъ! Да и ваше, Александръ Матвѣичъ, тоже?

Предсѣдатель.

Да вѣдь какъ обидно-то! Посмотрите-ка, что это за штаты у Казенной Палаты, да у Государственной! Одинъ предсѣдатель сколько получаетъ! я ужъ о косвенныхъ доходахъ и не говорю... Нѣтъ, жалованьемъ-то, жалованьемъ!... Ну, что станешь дѣлать! Чѣмъ-же, наша Палата, спрашивается, хуже другихъ?

Семенъ Ивановичъ.

Не хуже! Ничѣмъ не хуже!

Алексѣй Александровичъ.

Какое хуже! Помилуйте, важнѣе во сто разъ важнѣе! Вѣдь тутъ какія все дѣла: о жизни, да о чести. Вѣдь тутъ все-таки на душу берешь! И за это все-таки жалованье, что просто иной разъ совѣстно и сказать!

Предсѣдатель (вздыхая).

Хоть-бы господь-богъ помогъ, по представленіямъ-то что-нибудь получить! О себѣ я и не говорю... обо мнѣ, я знаю, губернаторъ таки похлопочетъ... а о васъ, господа, я уже готовлю представленіе. (Всѣ, кромѣ Вахрамѣева, кланяются.)

Предсѣдатель.

Васъ я думаю, Семенъ Ивановичъ, лучше къ чину?

Семенъ Ивановичъ.

Къ чину, такъ къ чину! Дадутъ — хорошо. [Н]ѣтъ — я и такъ проживу! Что мнѣ? я ужъ [с]тарикъ; мужики-то меня и безъ чину слушать [б]удутъ... хе, хе, хе!

Предсѣдатель.

А вамъ, Алексѣй Александровичъ, вы чело[в]ѣкъ молодой — вамъ, я думаю, орденокъ лестнѣе [б]удетъ?... я васъ къ ордену представлю...

Алексѣй Александровичъ (съ чувствомъ).

Не дадутъ Александръ Матвѣичъ; чувствую, [ч]то не дадутъ! Мнѣ ужъ такое несчастье на [р]оду написано! Сколько разъ, бывало, представляли, [д]о формуляръ не по формѣ, то представленіе опоз[д]аетъ.

Предсѣдатель.

Ну, можетъ на этотъ разъ и удастся.

Алексѣй Александровичъ.

Дай богъ! премного вамъ благодаренъ, Алек[с]андръ Матвѣичъ. (Къ Секретарю) Вы ужъ сдѣ[л]айте милость, Петръ Ильичъ, наблюдите, чтобы [в]се было въ исправности.

Секретарь.

Будьте покойны-съ.

Вахрамѣевъ.

Вотъ вы, Александръ Матвѣичъ, изволите [г]оворить, что жалованье вамъ недостаточно... Да [у]жъ васъ за это, за труды-то ваши, государь [в]окрайности жалуетъ, когда чиномъ, когда и [к]рестомъ. А нашему-то брату, хоть весь вѣкъ [с]лужи — отличій никакихъ нѣту!

Алексѣй Александровичъ.

Вы за то изъ чести и служите, ха, ха, ха!

Вахрамѣевъ.

Да что въ ней, въ чести-то? — только одинъ убытокъ. Мнѣ бы вотъ теперь въ лавкѣ сидѣть, анъ нѣтъ, ступай въ Палату! Хоть-бы медальку-то покрайности повѣсили.

Семенъ Ивановичъ.

Да за что вамъ давать-то! у васъ докладной регистръ словно ракъ ползетъ. Хоть-бы примѣрно пожертвовали что-нибудь...

Предсѣдатель.

Да, да! Вотъ ты сперва пожертвуй, Иванъ Ѳомичъ...

Вахрамѣевъ.

Да мы и то жертвуемъ! Вотъ не угодно-ли взглянуть, Александръ Матвѣичъ. (Вынимая изъ за пазухи бумаги)... Это у меня счетецъ, такъ примѣрный сдѣланъ, что съ насъ на разныя пожертвованія-то сошло!

Предсѣдатель.

Да и глядѣть нечего, все по мелочи.

Вахрамѣевъ.

Не все по мелочи, Александръ Матвѣичъ; вотъ мы, на церковную ограду въ Николѣ и на священство, разомъ 1000 рублевъ отдали. Преозвященный-это ужъ какъ благодарилъ! и въ Синодъ представилъ... А Синодъ-то — что съ нимъ станешь дѣлать! — одно благословенье прислалъ. Оно, конечно, и благословенье-то!... А противъ людей-то обидно, Александръ Матвѣичъ, право обидно! Вотъ Фалѣеву-то другая медаль вышла.

Предсѣдатель.

Я тебѣ, Иванъ Ѳомичъ, хоть-бы три медали [по]вѣсилъ, да самъ знаешь, не за-что! Ты пожер[тв]уй эдакъ покрупнѣе, да повиднѣе... ну, да [1]000 рублей примѣрно, хоть на устройство при[с]утственныхъ мѣстъ... Будетъ тебѣ медаль!

Вахрамѣевъ.

Больно дорого станетъ, Александръ Матвѣичъ! [Оно]-бы еще можно пожертвовать, коли-бы ужъ [т]о навѣрное знать-то.

Предсѣдатель.

Ну, какъ хочешь!

Алексѣй Александровичъ

(подойдя между тѣмъ въ окошку).

Кто-то подъѣхалъ? Фу, какой конь богатый

Вахрамѣевъ.

Да вы мнѣ ужъ позвольте, Александръ Мат[вѣ]ичъ, къ вамъ въ Воскресенье-то зайти. Можетъ [вы] что и уступите.

Предсѣдатель.

Заходи, пожалуй!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ-же и Вахмистръ.

Вахмистръ.

Полковникъ Жомовъ.

Предсѣдатель.

Проси, проси! (Всѣ усаживаются. Вахрамѣевъ беретъ [г]азеты и въ продолженіи слѣдующей сцены за чтеніемъ

ихъ засыпаетъ. Вахмистръ уходитъ и черезъ минуту бѣжитъ назадъ и растворяетъ дверь.)

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ-же и Жомовъ.

Жомовъ (быстро подходя къ Предсѣдателю и пожимая ему руку, громко).

Александръ Матвѣичъ, Александръ Матвѣичъ, имѣю честь кланяться!

Предсѣдатель.

Здравствуйте, Илья Андреевичъ, здравствуйте, мы ужъ съ вами люди знакомые — садитесь, прошу покорно...

Жомовъ (обращясь къ Семену Ивановичу).

Семену Ивановичу мое почтеніе. Имѣю честь рекомендоваться: по милости царской, сынъ барской, ха, ха, ха! Илья Андреевъ Жомовъ, отставной полковникъ, здѣшней губерніи помѣщикъ...

Семенъ Ивановичъ (раскланиваясь).

Слышалъ, слышалъ-съ!

Жомовъ (обращаясь къ Алексѣю Александровичу).

Monsieur Жабинъ, j'ai l'honneur...

Алексѣй Александровичъ (торопливо, пожимая ему руку).

Charmé!... (Семену Ивановичу тихо.) Эге, да онъ и по-французски!... молодецъ!

Предсѣдатель.

Прошу покорно, безъ церемоній, садитесь,

...тъ тутъ, на кресло. (Сажаетъ подлѣ себя, на углу ...ла.)

Жомовъ (садясь и осматриваясь кругомъ).

Да вы это, господа, въ Палатѣ что-ли сидите? ..., хе, хе!

Предсѣдатель.

А что?

Жомовъ.

Да здѣсь просто барская гостинная, а не ...ата!... Какая тутъ Палата. Вы меня извини...! я человѣкъ военный, у меня что въ мысляхъ, ... и на языкѣ, хе, хе, хе! Я вамъ по правдѣ ...юсь, господа, я вѣдь полагалъ, что здѣсь ...кой-же, съ позволенія сказать, хе, хе, хе! такой-...коровій хлѣвъ, какъ и въ нашемъ Уѣздномъ ...дѣ, хе, хе! Ей богу.

Семенъ Ивановичъ.

Это у насъ все стараньемъ Александра Мат...ича.

Предсѣдатель (скромно).

Нѣтъ, отчего-же... я такъ только, признаться, ...чистоты не люблю.

Жомовъ.

Да вы не скромничайте, Александръ Матвѣичъ, ...-то вѣдь на виду... А вамъ за то и спасибо, ...много спасибо! Оно, у васъ и подъ судомъ-то ...ятѣе быть, ей богу! Вотъ а зеркало-то есть. (Заглядываетъ въ зеркало)... Есть гдѣ подсудимому ... въ зеркальцо посмотрѣтся... ха, ха, ха! (Всѣ ...омко смѣются.)

Жомовъ.

Да-съ, вотъ оно какъ, Александръ Матвѣичъ, ...ъ подсудимый являюсь я къ вамъ, какъ ...одсудимый-съ!... и полковникъ я, и помѣщикъ

я, а подсудимый! хе, хе, хе! Даже смѣшно, ей богу!

Предсѣдатель.

Да, мы вотъ сейчасъ объ вашемъ дѣлѣ имѣли разсужденья...

Жомовъ.

Да вѣдь мнѣ только и утѣшенія, что на благородныхъ людей напалъ! Ну, думаю, пошло дѣло въ Палату, слава тебѣ господи, не много ужъ тамъ возьмутъ мои злодѣи-то!... Тутъ вѣдь, думаю, столбовые дворяне сидятъ, не на вашъ подлый аршинъ мѣряютъ. Вѣдь вотъ, господа, вы теперь и сами видите: дѣло-то вѣдь вѣденнаго яйца не стоитъ, а вонъ въ какую гору раздули!... Да ужъ коли отдали нашего брата помѣщика къ этимъ становымъ приставамъ подъ начало, такъ ужъ тутъ чего ждать? Всѣхъ помѣщиковъ переведутъ, право.

Семенъ Ивановичъ.

Да ужъ это народъ бѣдовый!

Жомовъ.

Вѣдь коли по правдѣ вамъ сказать, господа, такъ, по откровенности-то, вѣдь это все отъ пристава и дѣло-то началось. Разозлился бестія, что я ему мало плачу — пзволите видѣть, да еще съ бабами моими шашни завелъ, каналья! Ну, знаете, какъ дѣло-то началось, я ему эдакъ, понимаете, по просту, по свойски-то и говорю: что ты тамъ мутишь, чернильная ты душа, я тебя не боюсь, я передъ богомъ и государемъ ни въ чемъ не согрѣшилъ... Вотъ тебѣ и не боюсь! Вотъ онъ и настряпалъ дѣло! дайте, говоритъ 500 руб, я дѣло улажу...

Председатель.

Ахъ онъ, бестія!

Жомовъ.

Меня, знаете, это и взорвало. Не дамъ, говору, тебѣ, каналья, не дамъ ни полушки! Мнѣ не 500 руб. жаль; 1000, 2000, 10,000 роздамъ, коли нужно, да не тебѣ червяку, а тѣмъ кто почище, да повыше!... Да ужъ видно (вздыхая) надо было ему заплатить, нечего дѣлать.

Председатель.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ!... Будто ужъ и управы нѣтъ! Вотъ мы и нынче говорили... вотъ не знаю только, какъ это обстоятельство на счетъ гувернантки-то?

Жомовъ.

Что̀ на счетъ гувернатки? Да я тутъ хоть передъ царя на судъ пойду! Да я и вамъ, господа откроюсь, таить не стану. Сами изволите видѣть, человѣкъ я военный, правду-матку люблю. Взялъ точно, взялъ я къ себѣ гувернантку, къ дѣтямъ. Сироты, знаете, матери нѣтъ, человѣкъ-то я вдовый. Ну-съ, гувернантка-то изъ воспитательнаго дома, русская... дѣвка, я вамъ скажу, такая крупная, бойкая...

Всѣ (кромѣ Вахрамѣева).

Хе, хе, хе!

Жомовъ (продолжая).

Юлитъ, бестія, такъ около меня, тутъ прошмыгнетъ, тамъ прошмыгнетъ... Ну, я, нечего грѣха таить, хе, хе!... по нашему, кавалерійскому-то, и того... хе, хе, хе!... Чтожъ виноватъ что-ли я? Судить меня развѣ за это, что-ли?

Председатель.

За это какъ можно? Это дѣло не такое!...

Жомовъ.

Нѣтъ, вы мнѣ скажите, судить меня развѣ за это, что-ли? А вотъ, вы, Алексѣй Александровичъ, сами недавно изъ военной-то службы вышли... Ну-ка, батюшка, признавайтесь, что вы, много что-ли бабамъ-то спуску давали? а? Чай ни одна не отвертѣлась, по лицу вижу... ха, ха!

Всѣ.

Ха, ха, ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

Ха, ха! Ну, конечно, не безъ того. Ужъ точно, бывало, не попадайся, ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Да, Алексѣй Александровичъ у насъ ходокъ.

Жомовъ.

А вы Семенъ Иванычъ, не ходокъ, что-ли? Знаемъ мы васъ! Мнѣ Жигулинъ-то все разсказывалъ, какъ вы съ нимъ погуливали, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Да съ вами бѣда, ей богу! А что Жигулинъ, здравствуетъ себѣ? ничего?

Жомовъ.

Ничего, слава богу, пріятель мнѣ сердечный! Да ужъ и человѣкъ-то какой! Повѣрите-ль, онъ до сихъ поръ супругу вашу поминаетъ. Что, говоритъ, за барыня такая была!...

Алексѣй Александровичъ.

Какъ-же! я самъ помню Марью Осиповну;

правда я былъ малъ тогда, но все-таки помню. Grande dame просто!

Семенъ Ивановичъ (помолчавъ).

Да, господа, могу похвастаться... (съ чувствами) я такой женщины и не видывалъ... Да и не находятся ужъ, кажется, такія.

Предсѣдатель.

Не имѣлъ чести знать.

Семенъ Ивановичъ (съ возрастающимъ жаромъ).

Я вамъ вотъ что скажу, Александръ Матвѣичъ, я такъ ее любилъ, что вотъ теперь 18 лѣтъ прошло, какъ она умерла-то — безъ слезъ и вспомнить не могу. (Задумывается.) И какого нрава-то была — ангелъ! Ни дать, ни взять, ангелъ! Надо вамъ сказать, господа, что я таки довольно долго ея добивался... былъ тамъ у нея другой на примѣтѣ... да тотъ какъ-то ее тамъ эдакъ и обманулъ... Она и пошла за меня... Ну отецъ-то ея меня какъ роднаго сына любилъ... Да не долго только прожила со мною, голубушка, всего четыре годочка... (Утираетъ слезы и дрожащимъ голосомъ:) Я и теперь всѣ ея вещи свято берегу... все, что только завѣщала покойница, все выполнилъ, ничего не забылъ... я просто... я ужъ и не знаю, какъ я ее любилъ!... Повѣрите, Александръ Матвѣичъ, ужъ коли эдакъ по душѣ-то раскрываться-то, повѣрите, какъ пришлось мнѣ знаете, взять къ себѣ — того... понимаете... по немощи-го человѣческой — я крестницу ея выбралъ, дѣвушку-мѣщанку!... По крайней мѣрѣ всякій разъ вспомнишь ее, мою голубушку. (Плачетъ.)

Жомовъ (утирая глаза кулакомъ).

Разжалобили вы меня совсѣмъ, Семенъ Ивановичъ, я и самъ вдовецъ! (Жметъ ему руку.)

Семенъ Ивановичъ.

Такъ, батюшка, такъ -- одно горе терпимъ (Нѣсколько минутъ молчаніе.)

Предсѣдатель.

Такъ какъ-же, Илья Андреичъ, вы начал говорить...!

Жомовъ.

Да-съ, на счетъ гувернантки-то, хе, хе, хе Вотъ, я съ нею и того... мѣсяцъ, другой, третій.. ну и будетъ! Надоѣла бестія, безстыжа больно Я, знаете, эдакъ по простодушеству своему ду малъ, тѣмъ дѣло и кончилось... Куда! она изво лите видѣть вообразила, что баринъ дескать н мнѣ женится! ха, ха, ха! Какъ не такъ! Не н того напала! Я же знаете, тутъ немножко эдак сосѣдкой своей занялся, хе, хе, хе!... Вотъ она разозлилась, да и звела интригу съ канальей становымъ, ну, и придумали вмѣстѣ, какъ-бы знаете, деньжонокъ, изъ меня повытянуть! Растравила, мерзкая, себѣ спину, да и пустила слухъ по околодку, будто я ее высѣкъ, изволите видѣть.

Предсѣдатель.

Скажите, какъ!

Алексѣй Александровичъ.

Это ужъ просто адской умыселъ.

Жомовъ.

Подлино адской, справедливо изволили замѣтить

Семенъ Ивановичъ.

Да чтожъ лекарь-то на тѣлѣ знаки свидѣтельствовалъ.

Жомовъ.

Свидѣтельствовалъ, такъ-себѣ, ничего, пустяк

дрянь!... Это, она говоритъ — оттого, что ужъ зажило; я, говоритъ, послѣ сѣченья три недѣли въ постели лежала!... Нѣтъ ужъ, коли я-бы вздумалъ ее высѣчь, такъ у меня-бы, я вамъ доложу и въ 6 мѣсяцевъ-бы не зажило! ха, ха!... И людей моихъ было совсѣмъ съ толку сбили: они отъ страха сначала въ угоду становому и показали, да потомъ опомнились, грѣха побоялись.

Предсѣдатель.

Ну вотъ, скажите, какіе случай-то бываютъ!...

Жомовъ.

Мало этого, Александръ Матвѣичъ, это что! Они вздумали, что я и купоросным маслом ее обмазалъ! Сама какъ-то облилась, тварь эдакая, распутная, да ужъ за одно и всклепала на меня!... Записки тамъ какія-то мои любовныя нашли... Точно, я писалъ, лгать не стану, ну, а на допросѣ, отрекся! И Жигулинъ говоритъ: отрекись, пуще запутаешься... (Понижая голосъ) Это я такъ, только вамъ открываюсь, господа!... Я и въ связяхъ-то съ нею не признался... чего добраго, думаю, пожалуй еще публичному покаянію предадутъ — право! Это, господа, я такъ, между нами, по душѣ говорю, entre nous!... Сами видите, каковъ я! (Раздвигая ладоны.) Весь тутъ! Хотите меня за это простосердечіе-то мое казнить — такъ казните, въ вашей волѣ!...

Алексѣй Александровичъ.

Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте, мы очень цѣнимъ вашу откровенность, вашъ характеръ...

Предсѣдатель.

Цѣнимъ, цѣнимъ, будьте увѣрены.

Жомовъ.

То-то господа! а я себѣ своимъ характером сколько враговъ-то нажилъ! Ну, да не могу! Чт прикажете дѣлать: ужъ видно такимъ и оста нусь!... Вотъ выдумали еще, что я Антошк своего запоролъ, за то дескать, что онъ меня к женѣ своей не подпустилъ... ха, ха, ха! Очен мнѣ нужно, жену-то его! Бабенка-то такая сквер ная смотрѣть не на что!... Будто ужъ мнѣ взять-то не откуда! У меня, слава богу, и получш ея есть... Антошку я выпоролъ точно, за то чт на барщину не пришелъ. Выпоролъ да и пожало валъ: я теперь его изъ крестьянъ къ себѣ, н конюшню приставилъ... (Съ жаромъ.) Что-же, за это судить меня? Мнѣ мужика и выпорот нельзя, что-ли? Мнѣ своего холопа и побит нельзя?

Предсѣдатель.

Какъ можно! это вы право всегда имѣете...

Жомовъ (не слушая, съ жаромъ).

Нѣтъ, вы мнѣ скажите, властенъ я, что-ли надъ своимъ мужикомъ или нѣтъ? а?... Барин я или нѣтъ? а? Помилуйте, что это такое Я 20 лѣтъ служилъ царю и отечеству вѣрой правдой, а тутъ ужъ и холопа тронуть не смѣй Да это, это, я и не знаю что! Это свѣта-престав леніе просто! Вы меня извините, господа, а уж я этого и стерпѣть не въ силахъ! Умирать стану а говорить буду! Можетъ быть нынче ужъ так межъ дворянами повелось; можетъ и вы так разсуждаете?...

Алексѣй Александровичъ.

Что вы, что вы, Илья Андреевичъ, вотъ мы еще нынче говорили о помѣщичьей власти.

Предсѣдатель.

Нѣтъ, нѣтъ, мы сами дворяне! какъ дворянства не уважать!

Жомовъ.

Конечно, помилуйте! Опора престола!... Какъже тутъ становому въ помѣщичьи дѣла рыло своевать? Вѣдь это бунтъ! Вѣдь это значитъ священнѣйшія обязанности колебать!... Я вѣдь за васъ господа, ратую!... Мнѣ что... меня, можетъ, за мою правду-то вы въ Сибирь сошлете... хе, хе, хе! можетъ еще и въ каторгу...

Предсѣдатель.

Что вы, что вы, въ каторгу! ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

На рудники, Илья Андреевичъ, непремѣнно на рудники... ха, ха, ха!

Семенъ Ивановичъ.

Ха, ха, ха!

Жомовъ.

Ха, ха, ха!... (Утираетъ глаза отъ смѣха.) Вотъ то-то, господа, оно смѣшно, а на дѣлѣ-то, какъ тамъ ни говорите, и все-таки подъ судомъ! Вѣдь оно благородному человѣку тяжело, какъ хотите, тяжело!

Алексѣй Александровичъ.

Очень, очень это понимаю!

Семенъ Ивановичъ.

А квитанціи-то съ чегожъ они на васъ наклепали?...

Жомовъ.

Ну, это дѣло пустое! Тутъ и доказательствъ никакихъ нѣтъ. Поймали мужика моего, изво-

лите видѣть, съ фальшивою квитанціею... (
продавалъ ее. Чортъ его знаетъ, гдѣ доста
Ну, и велѣли ему сказать, что это-молъ бар
мнѣ далъ для продажи!... Какъ-же! и съ обыск
у меня были, да ничего не нашли! Ну, зна
мужика-то увѣрили, что онъ и свободу получи
и ужъ чортъ знаетъ что... А мужики-то на
сами изволите знать, какой народецъ-то! Имъ
только на печи лежать и помѣщичьей работы
дѣлать, а ужъ барина оклеветать ни по чемъ!

Алексѣй Александровичъ.

Да, бестіи, и мнѣ оброка не платятъ! н
будетъ приняться за нихъ построже!

Жомовъ.

Что вы, что вы, Алексѣй Александрови
построже! Богъ съ вами! Какъ разъ подъ су
угодите, ха, ха, ха!

Алексѣй Александровичъ.

Пожалуй, чего добраго! ха, ха, ха!

Жомовъ (послѣ нѣкотораго молчанія).

Что вы нынче будете въ клубѣ, Александ
Матвѣичъ?

Предсѣдатель.

Хотѣлось-бы!... Развѣ эдакъ попозднѣе?...
какова игра-то вчера была!

Жомовъ.

Удивительная! Отподчивали вы меня пор
комъ! Вѣдь эдакъ везло, эдакъ везло!...
ужъ я нынче реваншъ возьму, какъ хоть
возьму!

Предсѣдатель.

Хе, хе!... Ну, какъ опять проиграете?...

Жомовъ.

А можетъ и не проиграю!... Не всегда-же вамъ такое счастіе!... Пріѣзжайте, Александръ Матвѣичъ, право пріѣзжайте! Что вамъ надъ бумагами-то корпѣть? Полюбились что-ли они вамъ больно? хе, хе, хе! Нечего-сказать, лакомый кусъ!... Да мнѣ, кажется, хоть золотыя горы сули, а въ эту службу не заманишь, ей богу... Вѣдь вотъ, какъ я кругомъ-то посмотрю, бумагъ-го что, Господи, бумагъ-то!... И вы такъ здѣсь, каждый день?...

Предсѣдатель.

Каждый!... Да еще какъ Илья Андреичъ, иной разъ часовъ по 6 сидишь, да на тощакъ; а ѣсть-то хочется, а нечего дѣлать, служба!

Жомовъ (пожимая плечами).

Ну ужъ, признаюсь! Вѣдь вотъ сказалъ-бы, да боюсь: лестью назовете! А что это богоугодно, такъ богоугодно — воля ваша!

Предсѣдатель (вздыхая).

Не всѣ такъ разсуждаютъ, какъ вы, Илья Андреичъ.

Жомовъ (смотря на часы).

Ой, ой, какъ я у васъ засидѣлся. А мнѣ къ Рыбакову пора! Вишь его, злодѣя, куда чортъ занесъ? Экая даль!...

Предсѣдатель.

Рыбаковъ-то? Совсѣмъ за городомъ. Ну, да у васъ конь лихой, мигомъ довезетъ.

Алексѣй Александровичъ.

Да! славная лошадь... своя?

Жомовъ.

Своя, своя; я за нее 500 руб. далъ.

Алексѣй Александровичъ.

И своего завода?

Жомовъ.

Нѣтъ, зятя моего... и то вѣдь такъ, по знакомству; никому не продаетъ... А вы до лошадей охотникъ?

Алексѣй Александровичъ.

Какъ-же! Страсть моя... да здѣсь порядочныхъ лошадей достать трудно... воейковскія и орловскія слишкомъ дороги.

Жомовъ.

Да позвольте мнѣ вамъ услужить? У моего зятя не хуже воейковскаго заводъ, онъ мнѣ уступитъ охотно. Сколько вамъ, одну или пару?

Алексѣй Александровичъ.

Одну... но какъ-же это?... Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте!... Что-же вамъ безпокоится, я и самъ...

Жомовъ.

Что вы, самъ? Ничего вы сами не сдѣлаете... ха, ха, ха! Алексѣй-то Александровичъ думаетъ, что я ему взятку хочу дать... ха, ха, ха! (Всѣ смѣются.) Экой безсребренникъ, право, хе, хе, хе! Нѣтъ, батюшка, будьте покойны, не будетъ вамъ взятки, не будетъ! Денежки-то мнѣ за лошадь все-таки подайте! хе, хе, хе! Нѣтъ, безъ шутокъ, Алексѣй Александровичъ, я вамъ къ Рождеству лошадь-то пришлю, ну а деньги, какъ случится, хоть послѣ... хоть вексель дайте, коли не вѣрите... ха, ха. (Встаетъ, за нимъ всѣ встаютъ.) Ну-съ, Алек-

сандръ Матвѣичъ, позвольте мнѣ васъ поблагодарить за ваше истинно отеческое расположеніе... И васъ, господа, также... Просто на душѣ веселѣе стало... Вы меня извините... я вѣдь что думаю, то и говорю! Мое почтеніе-съ.

Предсѣдатель (пожимая ему руку).

Прощайте, прощайте, Илья Андреевичъ, до свиданія!

Жомовъ (Семену Ивановичу).

Прощайте, батюшка Семенъ Ивановичъ, надѣюсь, еще имѣть удовольствіе видѣться... (Къ Алексѣю Александровичу.) Au revoir Monsieur Жабинъ!

Семенъ Ивановичъ.

Прощайте, Илья Андреевичъ.

Алексѣй Александровичъ.

Bonjour Monsieur Жомовъ.

(Всѣ раскланиваются, жмутъ ему руку: Жомовъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ-же безъ Жомова.

Алексѣй Александровичъ.

Славный человѣкъ! Славный! Оправдать его, непремѣнно оправдать!

Предсѣдатель.

Ну, вотъ я такъ и говорилъ... ну какъ его обвинить? Никакъ нельзя!

Семенъ Ивановичъ.

Хорошій человѣкъ. Онъ можетъ быть, по дѣлу-то и не очень чистъ, ну, да ходокъ, знаете...

Что дѣлать!... А человѣкъ — ничего, хоро
Опорочить нельзя!...

Алексѣй Александровичъ.

Да это сейчасъ и по всемъ, и по физіон
и по манерамъ видно!... Нѣтъ, я думаю, дѣл
и вправду пустое. Да и гувернантка-то дол
быть въ самомъ дѣлѣ распутная!... Однакс
не пора-ли намъ, Александръ Матвѣичъ, у
вары Петровны — чай, рано собираются?

Предсѣдатель.

Пора-то, пора! да вотъ съ арестантами по
чимъ.

Алексѣй Александровичъ.

Ахъ да!... еще эти арестанты?

Секретарь

(высунувъ голову въ канцелярію, кричитъ):

Арестантовъ!

Предсѣдатель.

Ужъ вы, Петръ Ильичъ, на счетъ Жомов
напишите... вотъ, какъ мы говорили, понимаете

Секретарь (слегка пожимая плечами).

Слушаю-съ.

Семенъ Ивановичъ.

Смотрите-ка, Иванъ Ѳомичъ заснулъ сов
ха, ха, ха! Я думалъ, что онъ газеты чита
Проснитесь!

Вахрамѣевъ (пробуждаясь и протирая глаза

Виноватъ. Вздремнулъ маленько... Бар
то этотъ больно долго сидѣлъ! (Къ Семену Ивано
Я-же дома-то и закусилъ легонько... хе, хе,

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Бурмистръ растворяетъ обѣ половины дверей въ Канцелярію настежъ. Раздаются тяжелые шаги и шумъ цѣпей; входятъ, въ сопровожденіи солдатъ съ ружьями, два арестанта въ ножныхъ кандалахъ, одна пожилая арестантка и одна молодая, съ груднымъ ребенкомъ. Послѣдняя тихонько плачетъ, по временамъ утираясь концомъ головнаго платка, арестанты, предварительно помолясь на икону, становятся въ дверяхъ. Писецъ Галкинъ выходитъ впередъ съ бумагою въ рукахъ; нѣсколько въ сторонѣ отъ него становится Швейкинъ также съ приговоромъ въ рукѣ, и во все время чтенія Галкина, перемигивается и пересмѣивается потихоньку съ канцеляристами, густо-столпившимися сзади арестантовъ.

Предсѣдатель.

Читайте!

Галкинъ.

Гм! Гм!... (Читаетъ нѣсколько сиплымъ голосомъ.) "Приказали: изъ дѣла видно: Морозовской волости, деревни Подушкиной, крестьяне Анисимъ Прохоровъ и Дормидонтъ Кондратьевъ обвиняются въ томъ, что желая изловить крестьянина казенной деревни Аксютиной Дементья Прокофьева, который, по общему слуху, уже два года упражняется въ воровствѣ-кражѣ и въ воровствѣ-мошенничествѣ въ окрестныхъ деревняхъ, и который, по ихъ мнѣнію и по общей народной молвѣ, увелъ будто-бы не задолго передъ тѣмъ у вышереченныхъ крестьянъ трехъ лошадей, подстерегли, въ ночь съ 3 на 4 Мая, того Дементьева Прокофьева, въ то время, какъ онъ, по словамъ ихъ, пробирался ночью въ анбаръ односеленца ихъ крестьянина

Терентьева, поймали и нанесли ему побой и т
раны посредствомъ ударовъ топорами въ г
отчего Дементій Прокофьевъ тутъ-же на м
умеръ. Послѣ того, означенные крестьян
помощью крестьянской жены Ирины Семе
отвезли трупъ убитаго въ лѣсъ, гдѣ и з
его; однакожъ мѣсяца черезъ два, по р
странившимся о томъ слухамъ, оподозр
становымъ приставомъ, крестьяне Провор
Кондратьевъ были имъ взяты и съ перв
запроса учинили во всемъ добровольное при
Хотя крестьяне Пороховъ и Кондратьевъ
водятъ въ свое оправданіе, во-1-хъ — чт
выведены были изъ терпѣнія бездѣйствіемъ,
бы, земской полиціи и грозящимъ имъ раззоре
если воровства будутъ продожаться; во-2-
что они не имѣли никакого намѣренія убить
кофьева, но смерть ему произошла въ драк
сопротивленіи его и при покушеніи къ побѣ
однакожъ сіи оправданія во вниманіе пр
быть не могутъ, ибо о томъ, что Проко
точно занимался воровствомъ, положител
доказательствъ нѣтъ, да жалобъ на Прокофь
стороны обворованыхъ будто-бы имъ 20 чел
крестьянъ никакихъ въ дѣлахъ становаго
става не оказалось. Употребленіе-же при п
такого оружья какъ топоры, противор
второму оправданію крестьянъ... А потому
ступленіе ихъ, по мнѣнію Палаты, соверш
подходитъ подъ 1926 ст. Уложенія, по ко
учинившій убійство, хотя и безъ обдума
заранѣе умысла, въ запальчивости или раздра
но однакожъ не случайно, а зная, что пося
на жизнь другого, приговаривается къ нака
по 4-й степени 21 ст. Уложенія. По одобре
ихъ поведенію и по другимъ обстоятельст

смягчающимъ вину (пунктъ 1 и 5—140 ст.) наказаніе должно быть имъ назначено въ низшей мѣрѣ той степени. Крестьянка-же Ирина Семенова (22 лѣтъ) обвиняется въ томъ, что содѣйствовала къ сокрытію слѣдовъ преступленія — укрывъ у себя въ сараѣ первоначально тѣло убитаго и потомъ отдавъ свои сани для перевозки онаго. Хотя-же Семенова и показываетъ, что за отсутствіемъ ея мужа, означенные крестьяне сами, безъ ея спросу, принесли къ ней трупъ Прокофьева на дворъ, какъ ближайшій къ мѣсту преступленія, и сами распорядились санями, чему и крестьяне не противурѣчатъ — однакожъ эти ея слова не могутъ служить ей оправданіемъ, во-1-хъ — потому, что она самовольному будто-бы распоряженію означенныхъ крестьянъ не противудѣйствовала, и не обратилась за помощію къ сосѣдямъ; во-2-хъ — потому, что она, во всякомъ случаѣ знавъ о преступленіи, не донесла объ ономъ, а напротивъ того, на всѣхъ допросахъ упорно отъ всего отпиралась, и только на послѣдней очной ставкѣ съ убійцами, учинила сознаніе, извиняя свое прежнее запирательство страхомъ. А потому и слѣдуетъ, по 15 ст. Уложенія, признать Семенову укрывательницею преступленія. Укрыватели, по 130 ст., наказываются одною степенью ниже противъ пособниковъ, коихъ участіе не было необходимо для совершенія преступленія; пособники же этого рода, по 127 ст., наказываются одною степенью ниже противъ участниковъ, а участники, по 123 ст., присуждаются къ наказанію одною или двумя степенями ниже противъ главныхъ виновниковъ. Принимая въ соображеніе, что Семенова до самаго преступленія вовсе не знала о предпріятіи Прохорова и Кондратьева, Палата полагаетъ возможнымъ назначить ей наказаніе 4-ой

степенями ниже противъ наказанія означе
крестьянъ. А такъ какъ сіи послѣдніе п
рены по 4 степени 21 ст., которая имѣетъ
7 степеней, то и необходимо перейти за тѣ
1-ой степени слѣдующаго рода наказанія, о
леннаго 22 ст. — Хотя по 4 и 5 пу
140 ст. съ одной стороны представляютс
обстоятельства смягчающія вину, именн
легкомысліе и поводъ къ укрывательству,
другой стороны, по 10 п. 135 ст., ея запи
ство, увеличивающее вину, а потому и на
не можетъ быть ей назначено въ низшей
1 степени 22 ст. Что-же касается до крес
деревни Аксютиной Прасковьи Парамонов
лѣтъ), обвиняемой по народному слуху и вь
ченными крестьянами въ соучастіи воровст
убитымъ Прокофьевымъ, то Парамонова въ
не созналась, и хотя по сдѣланному у нея о
и найдены у нея шубка и портище, опозн
крестьянкою села Морозова Власьевою за
однакожъ, по 10 п. 1205 ст. 15 Т., полично
по себѣ не составляетъ полнаго доказательс
только часть онаго, тѣмъ болѣе, что вла
шубки и портища, въ свое время, о по
оныхъ нигдѣ оффиціально не заявила, а П
нова отозвалась, что купила оныя на базар
неизвѣстнаго ей человѣка. Впрочемъ, пов
ея на повальномъ обыскѣ, большинствомъ
третей голосовъ спрошенныхъ окрестныхъ
лей, значительно опорочено; но, по XV-му
повальный обыскъ вовсе не составляетъ доказ
ства, а служитъ только подкрѣпленіемъ пр
доказательствъ, если таковыя имѣются. На
ваніи всѣхъ сихъ соображеній и вышепри
ныхъ статей, Уголовная Палата опредѣл
крестьянъ деревни Подушкиной, Анисима I

рова и Дормидонта Кондратьева 30 лѣтъ — (При ихъ словахъ между арестантами нѣкоторое движеніе: они вслушиваются внимательно.) — лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать черезъ палачей плетьми, 60-ю ударами, съ наложеніемъ клеймъ, и солдатъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; крестьянскую женку той-же деревни Ирину Семеюву (22 лѣтъ), лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми черезъ палачей 22 ударами, и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, отсрочивъ, впрочемъ, исполненіе надъ нею приговора до окончанія срока, назначеннаго 1396 ст. XV. Т., для выкормленія ея ребенка грудью; ребенка-же, по отсылкѣ матери, оставить въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія.

Семенова (всхлипывая).

Можетъ умру до того!

Галкинъ (продолжая).

"Крестьянку-же деревни Аксютиной Прасковью Парамонову (50 лѣтъ), по занятію воровствомъ оставить въ сильномъ подозрѣніи, и возвратить въ мѣсто жительства, съ отдачею на поруки одобрившимъ ея поведеніе людямъ".

Секретарь.

Ступайте!

(Семенова всхлипывая уходитъ, ребенокъ ея начинаетъ кричать! Арестанты, одинъ за другимъ, молча крестятся на иконы, потомъ кланяются низко во всѣ три стороны и уходятъ съ конвойными солдатами. Вахрамѣевъ встаетъ и незамѣтно уходитъ вслѣдъ за ними).

Парамонова (обращаясь къ Секретарю).

А мнѣ, батюшка, куда прикажите?

Секретарь.

Покуда ступай съ ними, а потомъ тебя отпустятъ домой; съ тебя надо взять подписку, довольна-ли ты рѣшеніемъ?

Алексѣй Александровичъ.

Ну да, тебя оставляютъ только въ сильномъ подозрѣніи... чтожъ, ты довольна?

Парамонова (кланяясь въ ноги).

Довольна, родной мой, довольна, вѣкъ не забуду вашей милости...

(Всѣ хохочуть.)

Секретарь.

Ну, ступай, подписку мы за безграмотностью твоей сами сдѣлаемъ.

Алексѣй Александровичъ.

Ну, проваливай, милая, проваливай. (Прасковья уходитъ) Вотъ баба-то безъ амбиціи, хе, хе, хе!

Семенъ Ивановичъ.

Да что ей въ подозрѣніи-то! Она и съ нимъ проживетъ... А вотъ, другую-то бабенку жаль!

Алексѣй Александровичъ.

Жаль-то жаль, да чтожъ дѣлать, законъ!

Семенъ Ивановичъ.

Знаю батюшка, что законъ! Не она первая, не она послѣдняя... я такъ это, по человѣчеству говорю...

Предсѣдатель.

Да вѣдь Иванъ-то Ѳомичъ не даромъ улизнулъ!... хе, хе, хе! Вѣрно пошелъ имъ калачи закупать, хе, хе, хе!

Алексѣй Александровичъ.

Да ужъ эти купцы всегда такъ! Нашъ братъ солдатъ, на караулѣ, зябнетъ, голодаетъ — имъ ничего. А мошенниковъ-то арестантовъ кормить — наше дѣло! Прямая купеческа добродѣтель! Запретилъ-бы! Жертвуй на полезное!... Однакожъ, не пора-ли намъ Александръ Матвѣичъ?

Предсѣдатель (кричитъ).

Ну чтожъ арестантовъ!... Давай ихъ сюда!

Алексѣй Александровичъ.

Ведутъ, ведутъ!

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Шумъ шаговъ и цѣпей. Солдаты вводятъ арестанта, лѣтъ 28, высокаго роста, съ цѣпями на ногахъ. Швейкинъ выступаетъ впередъ и читаетъ приговоръ бойкимъ, звонкимъ голосомъ, скоро, не останавливаясь на знакахъ препинанія.

Швейкинъ (читаетъ).

“Приказали: изъ дѣла видно: крестьянинъ села Шишкина Андрей Пахомовъ обвиняется: во-1-хъ — въ томъ, что онъ былъ главнымъ зачинщикомъ неповинованія, оказаннаго крестьянами того села помѣщику ихъ коллежскому совѣтнику Фонъ-Диквальдгаузену, подъ предлогомъ, что право его на наслѣдство незаконно, и что они должкы получить увольненіе изъ крѣпостнаго состоянія, какъ что правительство вынуждено было прибѣгнуть къ необыкновеннымъ мѣрамъ усмиренія, посредствомъ экзекуціи. За это 286 ст. Уложенія, полагается наказаніе, по 7 степени 21 ст. Уложенія; во-2-хъ

— въ неоднократной подачѣ незаконныхъ пр
государю императору, за что, 1165-ю ст., о
лено наказаніе, по 5 степени 35 ст.; въ-3-
въ произнесеніи ругательныхъ словъ испра
и членамъ Земской Полиціи что, засвидѣтел
вано протоколомъ Временнаго Отдѣленія
подвергаетъ виновнаго, согласно 309 ст., нака
изъясненному въ 22 статьѣ, по степени 2
всемъ этомъ Пахомовъ положительно обвин
какъ собственнымъ сознаніемъ, документами,
и всѣми обстоятельствами дѣла. Имѣя въ
что дѣло о прочихъ крестьянахъ уже обсу
для соединенія съ прочими возникшими о
дѣлами, что на основаніи 156 ст. о совокуп
преступленій, онъ долженъ подлежать тягчай
изъ изчисленныхъ наказаній и въ высшей
мѣрѣ, Уголовная Палата опредѣляетъ: кресть
помѣщика Фонъ-Диквальдгаузена Андрея
мова, 28 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ сост
наказать плетьми черезъ палачей 40 ударам
наложеніемъ клеймъ и сослать въ катор
работу на заводахъ на 6 лѣтъ."

Арестантъ (громко, во весь голосъ, выступая впе
Я не доволенъ!...

(Всѣ вскакиваютъ, шумъ, общее смятеніе, солдаты
жаютъ арестанта.)

Предсѣдатель.

Что... о... о?

Семенъ Ивановичъ.

Каковъ?

Алексѣй Александровичъ.

Каково?

Секретарь.

Ступай, ступай, ступай!

Арестантъ (изъ за солдатъ).

Да какъ-же это, Господи!... я жаловаться хочу!...

Предсѣдатель (топая ногой).

Вонъ его! Вонъ!

Одинъ солдатъ (арестанту).

Ну не разговаривай, пошелъ!

Арестантъ (уходя).

Господи! Господи! (Уходитъ съ солдатами, Швейкинъ за ними; двери Канцеляріи затворяются.)

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

Тѣ-же безъ арестанта, солдатъ и Швейкина.

Предсѣдатель (обращаясь къ членамъ и ударяя себя по швамъ).

Каковъ-съ?

Алексѣй Александровичъ.

Да! не робокъ! нечего сказать! недоволенъ, прошу покорно! У насъ въ военной службѣ за это его-бы, знаете, фухтелями-то!... Однакожъ... (Смотритъ на свои часы и уходитъ въ архивную комнату.)

Семенъ Ивановичъ.

Да эдакого помѣщику и сослать не жалъ, хе, хе, хе!

Секретарь.

Да-съ, онъ видно не зналъ, что ему можно жаловаться только послѣ наказанія, ужъ изъ каторги.

Алексѣй Александривичъ (вбѣгая во фракѣ и съ шляпой въ рукѣ).

Ну-съ Александръ Матвѣичъ, я готовъ! пора, пора, пора!